

В период, предшествовавший Великой Октябрьской социалистической революции, русская лингвистическая наука в области фонологии была уже далеко впереди зарубежного языковедения¹. Еще в 1902 г. в 71 полутоме «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона была помещена большая статья о фонеме С. Булича, в которой содержалось подробное критическое изложение теории И. А. Бодуэна де Куртенэ. Между тем до 20—30-х годов в иностранных энциклопедиях, таких, как Британская энциклопедия, словари Ф. А. Брокгауза, Мейера, Ларусса и т. п., понятие фонемы даже не упоминается.

Еще в 1925 г. Г. О. Винокур отмечал роль школы Бодуэна в создании учения о фонеме. «Уже давно сравнительно,— писал он,— И. А. Бодуэн де Куртенэ, школа которого осмыслила различие между звуком как фактом языка и звуком как моментом индивидуальным, ввел в русский научный обиход термин „фонема“»².

Благодаря трудам Бодуэна и его учеников (Н. В. Крушевского и особенно Л. В. Щербы) языковедение советской эпохи уже с первых лет располагало стройным учением о фонеме, послужив-

¹ На передовой характер русской лингвистической мысли справедливо указывал Е. Д. Поливанов, который писал: «...в деле разработки общелингвистических проблем русские и польские ученые предшествующего поколения не только были наравне, но и намного опередили современных им, да и современных нам западноевропейцев (позволю себе привести один пример: посмертная книга Ф. де Соссюра, которая многими была воспринята как некое откровение, не содержит в себе буквально ничего нового в постановке и разрешении общелингвистических проблем по сравнению с тем, что давным давно уже было добыто у нас Бодуэном и бодуэновской школой)» (Поливанов, 1931, стр. 3—4).

² Винокур, 1925, стр. 15—16.

шим базой для дальнейшего развития фонологической теории в целом и для конкретных исследований фонетики отдельных языков. В то время когда на Западе фонология делала первые шаги, в ряде советских университетов (главным образом — в ЛГУ) каждый первокурсник-филолог имел уже представление о том, что в языке различаются особые единицы — фонемы, не совпадающие с физическими звуковыми единицами. Понятие фонемы можно было встретить даже в пособиях для средней школы (Карцевский, 1928).

До конца 20-х годов специальных работ по теории фонемы опубликовано не было. О фонеме говорилось либо в пособиях по введению в языковедение (Поливанов, 1923, 1928), либо в сочинениях, посвященных различным общелингвистическим проблемам, и прежде всего проблеме соотношения языка и общества (Шор, 1926), которая, естественно, была в то время в центре внимания советских языковедов. При этом все авторы, касаясь вопроса о фонеме, основывались на ее определении как словоразличительного средства, данного Л. В. Щербой в 1912 г.³ Если они и не соглашались с этим определением в целом, то во всяком случае отпращивались от него.

Стремление советских лингвистов перестроить языковедение на основах марксистской материалистической методологии обнаружилось прежде всего в отказе от психологической трактовки языковых явлений, характерной для разных теорий языка конца XIX и начала XX века, в частности, и для лингвистических теорий Бодуэна и его учеников. В связи с этим необходимо было пересмотреть психологическое (по крайней мере, по терминологии) определение фонемы у Бодуэна и Щербы.

Первый шаг в этом направлении был сделан Н. Ф. Яковлевым. В работе, относящейся к 1923 г., он вскрыл противоречие, существующее между социальной сущностью определения фонемы, данного Л. В. Щербой, и его психологической формой. «Таким образом, — писал он, — индивидуальное сознание говорящего едва ли может служить особенно надежным базисом фонемологических изысканий, да ф а к т и ч е с к и не оно и является этим базисом в работах последователей теории фонем» (подчеркнуто мною. — Л. З.). И далее: «Но если „элементы звуковых представлений получают известную самостоятельность“ „благодаря смысловым ассоциациям (как *і* в словах: *пил, бил, выл, дала*, ассоциированное с представлением прошедшего времени)...“, если „мы воспринимаем, как тождественное, все... ассоциированное с одним и тем же смысловым представлением... и... различаем все, способное... ассоциироваться с новым значением“⁴, то не следует ли и самую фонему, как она существует в индивидуальном сознании говорящего и осуществляется в фактах его говорения, признать целиком обусловленной определенным соотношением звуковых и семантических элементов к лексике и морфологии данного языка»⁵.

Из приведенной цитаты видно, как Н. Ф. Яковлев показывает, что рассуждения Л. В. Щербы ведут к иному определению фонемы, чем то, к которому пришел Л. В. Щерба. В этой книге Н. Ф. Яковлев не

³ См.: Л. В. Щерба. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912.

⁴ Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 6, 9.

⁵ Яковлев, 1923, стр. 66—67.

вносит по существу ничего нового в понимание фонемы; он только очищает его от психологизма.

Авторы работ, опубликованных в ближайшее десятилетие после выхода в свет книги Н. Ф. Яковлева, не ссылаются на нее; однако высказанная в ней мысль повторяется некоторыми из них. Так, Г. О. Винокур писал, что «вместо психологического „представления звука“ здесь (имеется в виду определение фонемы Бодуэном и Щербой. — Л. З.) свободно подставляется „социальное содержание звука“» (Винокур, 1925).

Наряду с такой объективной оценкой роли Бодуэна и Щербы, раздавались голоса и несправедливой, резкой критики, обвинявшей их в субъективном идеализме (Лоя, 1929). Критика эта не осталась без ответа. П. Г. Стрелков в своей работе не только показывает, что фонема и по Щербе имеет социальную природу, но, полемизируя с Я. В. Лоей, выступает в защиту также и психологического подхода при определении фонемы (Стрелков, 1929).

Начавшееся в 30-х годах насаждение марровского «нового учения о языке» (хотя понятие фонемы в нем не отвергалось) вследствие догматического характера этого учения мешало развитию фонологии в советской лингвистике. Тем не менее, уже в начале этого периода появилось несколько специальных статей о фонеме; в них не только развивалась уже высказывавшаяся ранее мысль о социальной сущности фонемы (Курило, 1930), но звучали и новые ноты (Сунцова, 1934; Бернштейн, 1936).

Статья И. П. Сунцовой, написанная уже после выхода в свет первых сборников Пражского лингвистического кружка, должна была, по мысли автора, с одной стороны, показать истоки фонологической теории прагцев, с другой стороны, — по-новому осветить вопрос о фонеме. В этой работе И. П. Сунцовой мы находим первую в советском языковедении попытку определить понятие фонемы в категориях диалектического материализма. Определение И. П. Сунцовой, отправлявшейся в общем от определения Л. В. Щербы, гласило: «Фонема это социально значимый тип — обобщение ряда акустически и физиологически близких звуков речи определенного классового языка⁶, обобщение, которое относится к своим отдельным представителям — отдельным звукам речи, как каждое общее к своим отдельным, и может дифференцировать или разрушать значение слова»⁷.

В «Фонетике французского языка» (1937) Л. В. Щерба вновь возвращается к проблеме фонемы. В описании этого понятия нет больше психологических формулировок, подчеркивается социальный характер его. Так же как И. П. Сунцова, он рассматривает фонему как общее и частное. «Реально же произносимые различные звуки», говорится в его определении, «являющиеся тем частным, в котором реализуется общее (фонема), будем называть оттенками фонем»⁸. Имея в виду фонему как «общее», Щерба и говорит о ней, как о «звуковом типе», что в дальнейшем дало ря-

⁶ Упоминание классового языка было в этом определении обязательной в то время данью Марру. Это видно из того, что в дальнейшем изложении И. П. Сунцова предупреждает против вульгарного социологизма, ссылаясь на известное письмо Энгельса к Блоху.

⁷ Сунцова, 1934, стр. 123.

⁸ Щерба, 1937, стр. 17.

ду авторов повод к ложному истолкованию его теории. Стремление осмыслить понятие фонемы с точки зрения материалистической диалектики мы находим и у С. И. Бернштейна, который видит в единстве, образуемом фонемой и ее оттенком, единство сущности и явления (Бернштейн, 1937).

Бажным шагом в развитии теории фонемы было следующее положение, выдвинутое С. И. Бернштейном (1936 и 1937). Скрыто полемизируя с пражцами, которые утверждали, что нерелевантные признаки несущественны для фонемы, он подчеркивал важность всего фонетического облика слова для правильного восприятия и понимания его. «Неправы поэтому, — писал он, — и те лингвисты, которые утверждают, что, говоря на родном языке, француз может заменять звук [r] через [x], а русский — звук [t] через [t] придыхательное, потому что разница между [r] и [x] во французском и между [t] и [t] придыхательным в русском не служит для различения слов»⁹. Такие мысли заставили автора признать важность общего облика слова, т. е. важность и нефонематических различий, отличающих одни оттенки от других оттенков той же фонемы (Бернштейн, 1936). Эта интересная идея автора не получила отклика в то время.

В начале сороковых годов в разработке теории фонемы в советском языковедении появилось новое направление. Еще в 1928 г. Н. Ф. Яковлев определял как одну фонему все позиционно альтернирующие звуковые единицы, в том числе и разные фонемы по Щербе, когда они связаны живыми чередованиями; так, первые гласные слов *вода* и *вóды* он рассматривал как варианты одной фонемы, а именно фонемы /o/. Такая трактовка еще не нашла отражения в том определении фонемы, которое мы находим в работе Н. Ф. Яковлева: «...мы должны признать фонемами те звуковые отличия, которые выделяются в речи, как ее кратчайшие звуковые моменты в отношении к различению значимых элементов языка»¹⁰ (Яковлев, 1928). Позднее он дает более ясную формулировку, в которой говорится, что «физически совершенно одинаковые звуки иногда существуют в языке как различные грамматические звуки, как различные фонемы»¹¹. Разъясняя свою точку зрения, авторы хотели показать, что они опираются на марровское определение фонемы, как «общественно отработанного звука»; в действительности же они скорее должны были бы сослаться на Бодуэна, который в своих ранних работах рассматривал фонему сквозь призму морфологии. Однако никакого упоминания Бодуэна в их книге нет.

Напротив, прямую ссылку на Бодуэна и полемику с Щербой содержит интересная работа А. Ф. Биршера (1940), который защищал мысль о том, что комбинаторные чередования не меняют фонемной принадлежности звука¹².

Изложенная точка зрения получила вид законченной теории в работах ряда московских языковедов, находившихся, кроме того, под влиянием пражской школы¹³ и примыкавших к ней ученых, в частности А. Мартине.

⁹ Бернштейн, 1937, стр. 28.

¹⁰ Яковлев, 1928, стр. 46.

¹¹ Яковлев, Апхамаф, 1941, стр. 407.

¹² Работа А. Ф. Биршера интересна еще и тем, что в ней впервые излагается история фонематических теорий от их истоков до 30-х годов.

¹³ Следует указать, что «пражцы» также исходили прежде всего из взглядов Бодуэна.

Платформа этой группы лингвистов, которую впоследствии стали называть московской фонологической школой, была сформулирована впервые в 1941 г. (Реформатский, 1941; Кузнецов, 1941); затем более обстоятельно в 1945 г. (Аванесов, Сидоров, 1945) и в 1947 г. (Реформатский, 1947).

Основные положения этой школы заключаются в следующем.

1. При характеристике фонологических противопоставлений нужно различать сильную позицию (позицию максимального различения) и слабую позицию (позицию возможной нейтрализации).

2. Различаются: основной вид фонемы (выявляющийся в сильной позиции), варианты, комбинаторно обусловленные модификации фонем, не ведущие к нейтрализации противопоставлений, и варианты, комбинаторно обусловленные модификации в условиях нейтрализации. Каждая вариация относится всегда к одной фонеме, вариант — к двум фонемам.

3. Состав фонемы языка выявляется только в сильных позициях.

4. Фонемная принадлежность каждого звукового элемента морфемы также выявляется только в сильной позиции.

5. Если какая-нибудь звуковая единица не может быть поставлена в сильной позиции в данной морфеме (например, первый гласный в слове *корова*), то ее нельзя отнести к какой-либо определенной фонеме; она является членом «гиперфонемы», т. е. группы фонем, связанных между собой позиционными или комбинаторными чередованиями.

Несколько иную точку зрения мы находим у А. И. Смирницкого, который считал, что единицу, выступающую в слабой позиции, нельзя отождествлять с единицей сильной позиции, что сопоставление их может производиться «в сущности, в плане морфологического, а не фонологического анализа»¹⁴.

Как видно из изложенного, в основе рассматриваемой теории лежит понятие нейтрализации. Идентификация фонемы на основе тождества морфемы роднит эту теорию с взглядами И. А. Бодуэна де Куртене и Н. Ф. Яковлева. Однако ни тот, ни другой не сделали необходимого из такой точки зрения вывода о том, что, если в данной морфеме позиционно обусловленный вариант не может быть поставлен в сильной позиции, то его фонемной принадлежности определить нельзя. Московские фонологи сделали этот вывод и пришли к понятию гиперфонемы.

Расхождения во взглядах обеих фонологических школ («щербовской» и «московской») особенно резко обозначились на рубеже 40—50-х годов. Морфологический подход к фонеме был подвергнут критике в работах автора этих строк (Зиндер, 1948₁, 1948₂). Щербовская теория была поддержана и другими его последователями (Лыткин, 1946; Гвоздев, 1949, 1958, 1960₁; Зиндер и Матусевич, 1953; Лыткин, 1953). Все они стремились показать, что фонему нужно рассматривать не как элемент морфемы, а как автономную от морфемы собственно фонетическую единицу.

В поддержку теории московской фонологической школы выступали некоторые ученые, непосредственно к ней не принадлежащие (Зарецкий, 1948; Цахер, 1962).

¹⁴ Смирницкий, 1948, стр. 25.

Как щербовская, так и московская теория фонемы критиковались с позиций марровского «нового учения о языке» (Ломтев, 1949).

Общелингвистическая дискуссия 1950 г., освободившая советское языковедение от догм марризма, открыла путь для широкого обсуждения разных лингвистических проблем, в том числе фонологических.

С середины 1952 г. на страницах «Известий АН СССР» началась дискуссия по вопросам фонологии, продолжавшаяся до конца 1953 г. Поводом для нее послужила статья С. К. Шаумяна (1952₂), написанная под влиянием западноевропейского и главным образом копенгагенского структурализма. Изложенная в этой статье позиция не внесла в теорию фонемы ничего нового. В ней по существу объединены взгляды Н. С. Трубецкого, Л. Ельмслева и московских фонологов, хотя автор и критикует все эти направления.

В ходе дискуссии были высказаны разнообразные, зачастую непримиримые взгляды по различным вопросам фонетики и фонологии. Однако отстаиваемое С. К. Шаумяном противопоставление фонетики и фонологии как принципиально разных наук встретило отпор со стороны многих советских лингвистов, принадлежащих к разным школам (Аванесов, 1952; Реформатский, 1952; Спиркин, 1952; Бернштейн, 1952; Лыткин, 1953; Гвоздев, 1953; Зиндер и Матусевич, 1953, и др.). Как указывалось в итоговой статье «От редакции», «все участники обсуждения статьи С. К. Шаумяна решительно высказались за понимание фонетики и фонологии не как двух разных научных дисциплин, а, согласно принципу, намеченному И. А. Бодуэном де Куртенэ и настойчиво выдвигавшемуся Л. В. Щербой¹⁵, как двух взаимно связанных и необходимо дополняющих друг друга точек зрения на звуки речи, как на два аспекта единой науки»¹⁶.

Как отмечалось в той же статье, в высказываниях по вопросу о сущности фонемы обнаружилось, что большинство участников дискуссии придерживается понимания фонемы в духе учения Л. В. Щербы¹⁷. Вместе с тем выявились и весьма существенные расхождения в подходе к решению разных фонологических вопросов.

Большой интерес представляет опубликованная во время дискуссии статья С. И. Бернштейна, в которой он не только развивает свою теорию «общего облика слова», но излагает и новые мысли, не получившие, к сожалению, должной оценки и до настоящего времени (Бернштейн, 1952).

Критикуя трактовку дифференциальных признаков как существенных, С. И. Бернштейн развивает мысль о том, что фонема является не только различительной единицей (т. е. релятивной — негативной, как утверждал Ф. де Соссюр), но и опознавательной. «Словоразличение, — пишет он, — есть лишь вспомогательное средство для словоупотребления, которое, в свою очередь, служит предпосылкой словоупотребления. Если бы все слова были омонимичны, ни общение, ни понятийное мышление (т. е. мышление посредством слов) были бы невозможны, но для того, чтобы слова могли различаться между собой по звуковому составу, прежде всего необходимо, чтобы они обладали качественно определенным звуковым составом.

¹⁵ Здесь имеются в виду работы: Щерба, 1936 и 1945.

¹⁶ От редакции. — «Изв. ОЛЯ АН СССР», 1953, т. 12, вып. 6, стр. 552.

¹⁷ Там же, стр. 550—551.

Вот об этой словообразующей и словоопознавательной функции фонем и забыл де Соссюр; забывают о ней и соссюрианцы, а в их числе и С. К. Шаумян¹⁸. В той же статье С. И. Бернштейна (правда, в сноске) впервые дается, по существу, хотя это прямо и не выражено, определение расхождения между щербовской и московской фонологической школами. Автор указывает, что можно «рассматривать фонему как кратчайший звуковой компонент морфемы», и что «фонему в этом смысле надо строго отличать от фонемы как кратчайшего звукового признака, служащего для словоразличения и словоузнавания»¹⁹.

Мысль о необходимости различать фонемы разных степеней была детально разработана С. И. Бернштейном еще в 1936—1937 гг.; однако тезисы, подробно излагающие это положение автора, который синтезирует и развивает теории Бодуэна и Щербы, были опубликованы только в 1962 г. (Бернштейн, 1962).

В свете предлагаемого С. И. Бернштейном различения фонем 1-й и 2-й степени расхождения в определениях фонемы Щербой и московскими фонологами являются, по существу, терминологическими. К такому же выводу можно прийти, рассматривая и новую позицию Р. И. Аванесова (Зиндер, 1957₁), который, подобно С. И. Бернштейну, допускал двойкий подход в решении вопроса о фонеме. Фонема, по его определению, как «кратчайшая звуковая единица..., достаточная для различения звуковых оболочек словоформ», совпадает с фонемой 1-й степени С. И. Бернштейна, а фонеме 2-й степени соответствует «фонемный ряд», который «является элементом звуковой оболочки морфемы» (Аванесов, 1955, 1956).

Выступивший с критикой взглядов Р. И. Аванесова П. С. Кузнецов (1959) наряду с изложением известных уже положений московской фонологической школы вводит отличное от «звука речи» понятие «звука языка», также содержащееся в указанных тезисах С. И. Бернштейна. Признавая существование такой языковой единицы наряду с фонемой (в трактовке этого термина московской школой), П. С. Кузнецов приближается к точке зрения С. И. Бернштейна и Р. И. Аванесова.

Таким образом, фонема в щербовском определении и в определении московских фонологов — это разные понятия, отражающие единицы разных уровней в системе языка: фонологического и фономорфологического. Такое понимание не чуждо и представителям школы Щербы (Зиндер, 1960); оно принимается последователями структуральных направлений в советской лингвистике при их попытках моделировать соответствующие фонологические единицы (Ревзин, 1962₁, 1962₂; Успенский, 1964).

Развивая положение о значении позиций для фонематических различий, А. А. Реформатский приходит к мысли о том, что позиции сами по себе могут обладать различительной функцией; причем на этот раз имеются в виду морфологические позиции (Реформатский, 1957). С критикой этого положения выступил А. Н. Гвоздев (1957).

Справедливость указанной оценки расхождений между рассматриваемыми фонологическими школами подтверждается особенно тогда, когда мы обращаемся от общих теорий к их приложению при анализе языковых

¹⁸ Бернштейн, 1952, стр. 544.

¹⁹ Там же, стр. 543.

явлений. Различие основных положений этих двух школ обнаруживается только при установлении фонемного состава морфем или слов. Что же касается состава фонем языка в целом, то он всеми определяется по позициям максимального различения; число фонем языка — это (и по Щербе и по теории московской школы) максимальное число противопоставленных в нем кратчайших звуковых единиц.

Неправильно было бы думать, что несовпадения в инвентарях фонем, устанавливаемых в работах щербовской и московской школ, объясняются разным пониманием сущности фонемы.

Если московские фонологи считают *y* и *i* вариантами одной фонемы, а, по Щербе, это две разные фонемы, то это не потому, что первые считают фонему элементом морфемы, а Л. В. Щерба считал ее автономной звуковой единицей. Определяя фонематичность или нефонематичность соответствующего звукового различия, все советские фонологи, как сказано выше, основываются на его противопоставленности (т. е. возможности использования для различения морфем и слов) в сильной позиции. Различие заключается только в подходе к анализируемому материалу, а именно — в том, что, по Щербе, должны учитываться абсолютно все факты языка (в частности, редко встречающиеся случаи употребления *y* в начале слов), тогда как московские фонологи на основании различных критериев производят отбор фактов и рассматривают только те, которые считают существенными.

Бурное развитие фонологии на Западе, начавшееся с тридцатых годов, первоначально не оказывало ощутимого влияния на советское языковедение, поскольку, как указывалось выше, основные идеи, высказывавшиеся там, не были новы для советских лингвистов. Только с конца 50-х годов в советском языковедении вместе с общим интересом к разным направлениям в западноевропейском и американском структурализме усиливается интерес и к различным фонологическим теориям (Ахманова, 1954; Ваараск, 1962).

Особенно широким признанием стала пользоваться теория, согласно которой наименьшей фонологической единицей является дифференциальный признак, фонема же, представляющая собой пучок дифференциальных признаков, является производной единицей. Система дифференциальных признаков и система фонем рассматриваются как два яруса фонологической системы, причем основным ярусом признается первый. Поскольку дифференциальный признак при таком определении фонемы представляет собой составную часть ее и характеристика фонемы исчерпывается набором этих признаков, постольку вполне логична предлагаемая замена термина «дифференциальный признак» на термин «дифференциальный элемент» (Шаумян, 1958).

Интересные мысли в связи с понятием релевантных (дифференциальных) признаков, основанные на исследовании фонетики иранских языков, были высказаны В. С. Соколовой. Различая первичные (доминирующие) и вторичные (сопровождающие) признаки, она показывает, что в известных фонетических условиях вторичный признак может оказаться доминирующим и даже единственным²⁰.

²⁰ Соколова, 1949, стр. 78.

Построенная на теории дифференциальных признаков универсальная бинарная классификация фонем Р. Якобсона и др. также получила применение и развитие в ряде работ советских лингвистов (Кибрик, 1962; Григорьев, 1962 и 1964; Лекомцева, 1963).

Фонологическая сущность дифференциальных признаков правильно подчеркивалась Р. Г. Пиотровским, который устанавливает функциональную зависимость между разными парами дифференциальных признаков (Пиотровский, 1960). Его статья вызвала возражения (Норк, Мурыгина, Блохина, 1962), на которые последовал ответ автора, в котором он справедливо указывает на недопустимость отождествления дифференциальных признаков с акустическими и артикуляторными (Пиотровский, 1963).

Особенно отмечается важность теории дифференциальных признаков для решения прикладных фонетических задач, в которых существенным является только то, что служит для различения звуковых единиц (Иванов, 1961, 1962). О связи теории дифференциальных признаков с автоматическим различением звуков речи и необходимых для этой цели поправках писал В. И. Григорьев (1964).

Не меняя основ такой классификации, некоторые авторы стремятся внести в нее исправления и уточнения (Шаумян, 1962). Раздаются голоса и против теории Р. Якобсона. Они касаются, во-первых, принципа бинаризма, лежащего в ее основе. При этом указывается, что мы имеем дело в языке не только с бинарными явлениями, но и с такими, которые образуют цепочки из нескольких единиц (Реформатский, 1961). Во-вторых, оспаривается возможность построения на ее основе фонологической модели языка. Дело в том, что классификация по дифференциальным признакам, данная Р. Якобсоном и др., мыслится авторами как основание для идентификации фонем; одинаковый набор признаков должен свидетельствовать о том, что данные два звука речи являются вариантами одной фонемы, и наоборот — разный набор признаков говорит о наличии двух фонем. Иллюзорность этого положения была убедительно доказана П. С. Кузнецовым, который писал: «Лишь определив фонемы данного языка (на основании противопоставления их в составе различных значимых единиц в тождественных фонетических условиях), ...мы сможем... отобрать те признаки, которые для данного языка являются дифференциальными»²¹. В самом деле, рассматривая спектрограммы русского и корейского [b], мы не можем из их характера определить, что в графе матрицы, соответствующей признаку «глухости — звонкости», для русского [b] нужно поставить плюс, а для корейского — нуль; это можно сделать только после того, как будет определено, что в русском языке звонкий согласный фонематически противопоставлен глухому, а в корейском не противопоставлен.

Наконец, в-третьих, классификация Р. Якобсона и др. признается неудовлетворительной ввиду неприемлемости определения фонемы как пучка дифференциальных признаков. Критика теории Р. Якобсона с этих позиций основывается на том, что дифференциальные признаки достаточны для различения, но не узнавания фонем (Бернштейн, 1952). Если же считать, что важнейшей функцией фонемы является конститутивная функция,

²¹ Кузнецов, 1958, стр. 59.

что ее основное назначение — «участвовать в построении речевого знака, а не разграничивать оболочки слов»²², то характеристика фонем не может исчерпываться выявлением только дифференциальных признаков (Зиндер, 1960; Белинская, 1963).

В связи с последней точкой зрения следует упомянуть некоторые работы, в которых вопрос о фонеме рассматривался в аспекте общей проблемы знаковости в языке. В них высказывались противоположные точки зрения: одни говорят о фонемах как знаках для различения слов (Шаумян, 1952₂; Реформатский, 1955₁ и 1955₂), другие оспаривают это положение, основываясь на том, что «... каждый знак, с точки зрения марксистской философии, должен иметь реальный объект обозначения... Фонемы же, взятые сами по себе, внутреннего содержания не имеют» (Макаев, Слюсарева, 1953). С этой точки зрения фонемы не знак, а строительный материал знака (Мигирин, 1959).

На некоторых советских фонологов оказали влияние также идеи копенгагенской школы (глоссематиков). Основываясь на них, хотя и критикуя их (Шаумян, 1952₁), а также на известных взглядах Р. Карнапа, С. К. Шаумян построил фонологическую теорию, названную им двухступенчатой теорией фонологии (Шаумян, 1960), по которой следует различать две ступени абстракции: 1) ступень наблюдения и 2) ступень конструкторов. Отправной точкой в построениях С. К. Шаумяна является противоречие между физическим воплощением фонемы и ее языковой сущностью.

В констатации этого противоречия Бодуэном, с которого и начинается история учения о фонеме, уже содержится, по существу, признание абстрактной природы фонемы, оно содержится и в определениях фонемы, основывающихся на категориях диалектического материализма, в которых она характеризуется как «общее» в отношении к «частным». Однако С. К. Шаумян стремится при помощи аппарата формальной логики показать, что указанное им противоречие остается в науке непреодоленным и до наших дней. Пользуясь неправомерной аналогией с понятиями «электрон», «ген» и с кибернетическим «черным ящиком», он объявляет фонему гипотетической единицей — конструктором. «Фонемы, — пишет он, — представляют собой гипотетические единицы, относящиеся к ступени конструкторов, а звуки — это данные в прямом наблюдении элементы, служащие субстратами фонем»²³. С. К. Шаумян создает чрезвычайно сложную схему из конкретных и абстрактных дифференциров, фонемоидов и фонем и аналогичную схему для просодических явлений. В качестве метода идентификации фонем автор предлагает «операторный метод», который строится без какого бы то ни было обращения к семантическому аспекту языка. В качестве базы для фонологического анализа должны служить показания информанта (Шаумян, 1962₁).

Критике теории С. К. Шаумяна посвящена статья Т. П. Ломтева (Ломтев, 1962).

В плане развития структуральных идей и применения математических методов в языковедении некоторыми авторами предлагаются различ-

²² Мигирин, 1959, стр. 27.

²³ Шаумян, 1962₁, стр. 35.

ные модели фонемы (Ревзин, 1962, 1964; Евдошенко, 1963; Успенский, 1964; Белозеров, 1964).

Наряду с вопросами общей теории фонемы в советском языковедении рассматривались и многие другие проблемы фонологии. В числе таких следует в первую очередь назвать вопрос об оттенках (аллофонах²⁴, вариантах) фонемы. Л. В. Щерба и в «Фонетике французского языка» (так же как в «Русских гласных...») говорил об основном (типичном) оттенке, отличающемся наименьшей зависимостью от фонетического положения. Так как только он может быть произнесен изолированно, то при описании фонем практически имеют дело именно с ним и его условно называют «фонемой» (Щерба, 1937).

Неравноправны аллофоны и в трактовке московских фонологов, которые выделяют «основной вид» фонемы, т. е. аллофон, который встречается в сильной позиции. Некоторые авторы не только поддерживают такое понимание вещей (Белинская, 1963), но и отождествляют основной оттенок с фонемой. Так, В. А. Аврорин пишет: «Под фонемой автор понимает... типичный, самостоятельный звук, произносимый изолированно или в сильной позиции (при отсутствии комбинаторного воздействия на него других звуков) и группирующий вокруг себя ряд своих комбинаторных вариантов. Термин „фонема“ условно может быть присвоен и всей совокупности вариантов одного основного звука»²⁵.

Равноправность всех оттенков фонемы отстаивал Н. Ф. Яковлев (1923). Признавая безусловную функциональную равноправность всех оттенков, некоторые авторы развивали мысль о том, что основной оттенок все же выделяется в фонеме, хотя и не всегда (Зиндер, 1960). В. С. Соколова предлагает различать варианты обязательные, выявляющиеся при отчетливом произношении, и факультативные (субъективные), которые могут возникать в беглой речи. Об основном варианте можно говорить, с ее точки зрения, только в тех случаях, когда это единственный обязательный вариант, а все остальные варианты данной формы факультативны. Такой случай, предполагающий отсутствие позиционных модификаций, представляется невероятным; следовательно, мы всегда будем иметь несколько равноправных вариантов (Соколова, 1948, 1949).

Интересные идеи развивались в советской фонологии об особенностях фонологического строя некоторых типов языков, к которым, по мнению ряда авторов, неприменимо обычное понятие фонемы.

Еще в «Русских гласных в качественном и количественном отношении» Л. В. Щерба высказывал мысль о том, что наименьшей различительной единицей может быть и не отдельный звук, а слог. В советское время это положение было применено учениками Л. В. Щербы к китайскому языку еще в 1930 г., в отношении которого было предложено понятие «силлабемы» — единицы, не разлагающейся на отдельные звуки ввиду отсутствия внутри слога морфологических границ (Иванов и Поливанов, 1930). Подробно это, однако, тогда развито не было. А. А. Драгунов сначала

²⁴ Термин «оттенок» удобен своей однозначностью; «вариант» многие употребляют как синоним «оттенка», московские же фонологи вкладывают в этот термин иное содержание. В последнее время в советской лингвистике все большее применение получает термин «аллофон».

²⁵ Аврорин, 1958, стр. 137.

принял эту точку зрения (Драгунов, 1937), но впоследствии, признавая, что в китайском языке «минимальной значимой звуковой величиной» может быть только целый слог — «морфосиллабема», он указывал что последняя распадается на два основных элемента: согласный и гласный (Драгунов, 1962). Это положение было развито на материале вьетнамского языка М. В. Гординой, которая утверждает, что для языков такого типа неприменимо не только понятие фонемы, как она представлена во флективных и агглютинативных языках, но и слогафонемы, так как в вьетнамском начальный согласный слога представляет самостоятельную единицу. Для языков слогового строя, по ее мнению, характерны словоразличительные противоположения разных уровней автономности: 1) начальные согласные и 2) акцентуруемая часть слога (Гордина, 1959).

Применительно к китайскому языку высказывалась и противоположная точка зрения, согласно которой, «несмотря на строгую позиционную обусловленность звуков в китайском слоге, сопоставление слов и морфем позволяет сделать вывод, что в китайском языке наличествует развернутая система отдельных звукофонем»²⁶. Напротив, продуктивность понятия слогафонемы при реконструкции древних фонологических систем показал С. Д. Кацнельсон (Кацнельсон, 1958).

С фонологической трактовкой звукового строя указанных языков тесно связан вопрос о слоговом акценте (о тонах) и о фонологическом взаимоотношении тона и звукового состава слога. Этому посвящены некоторые работы на материалах китайского языка (Москалев, 1961; Задоев, 1963), бирманского (Андреев, Гордина, Тимофеева, 1961), вьетнамского (Андреев, Гордина, 1963). О связи тона и ударения писал еще в 1940 г. Ю. Яншанци на материале дунганского; рассматривался этот вопрос и применительно к бирманскому и вьетнамскому (Андреев, Гордина, 1963).

О возможности использования музыкального качества как признака отдельных фонем писал П. С. Кузнецов (1961).

Методика фонематического анализа в основном имеет в виду решение двух проблем: 1) выявление фонемных противопоставлений, т. е. установление инвентаря фонем, и 2) определение фонологической членимости потока речи во времени, что практически сводится к определению монофонемности или бифонемности той или иной фонетической величины. Обе эти проблемы рассматривались в советском языковедении и специально и при решении соответствующих конкретных задач.

Методом, которым чаще всего пользуются при установлении состава фонем языка, является метод квазиомонимов («минимальных пар»). О недостаточности этого метода говорил еще Л. В. Щерба, который указывал на то, что их наличие для доказательства фонематичности противопоставления не обязательно, что «их может случайно не оказаться. Вообще же в языке достаточно противопоставления двух звуков в сходных фонетических условиях для того, чтобы они играли роль отдельных фонем»²⁷. Тем не менее справедливо следующее замечание: «... если отвлечься от всяких терминологических тонкостей, то обычное определение фонемы сводится к следующему. Два звука принадлежат разным фонемам, если имеется

²⁶ Гальцев, 1962, стр. 110.

²⁷ Щерба, 1949, стр. 52.

хотя бы одна пара слов, различающихся только этими звуками и имеющих разное лексическое значение» (Ревзин, 1962₁).

Подробная критика метода квазиомонимов и описание других более совершенных методов были даны в книге Л. Р. Зиндера (1960). Операторный метод, основанный на двухступенчатой теории фонемы, предложил С. К. Шаумян (1962₁).

Вопрос о фонологической членимости встает обычно в связи с трактовкой дифтонгов и аффрикат, а также однородных долгих звуков. Нередко и в данном случае опираются на наличие противопоставлений (обычно — по методу квазиомонимов) для доказательства монофонемности рассматриваемых величин, или говорят о бифонемности при отсутствии соответствующих противопоставлений (Прокофьев, 1937; Эндюковский, 1937; Барашков, 1953; Дмитриев, 1955₂; Бураев, 1960).

Неприменимость метода квазиомонимов (как и вообще метода противопоставлений) в частном случае фонематической интерпретации долгих стремился показать автор настоящего очерка (Зиндер, 1963). Противопоставленность означает фонологическую значимость, но не доказывает фонологической нечленимости. В русском языке *сток* и *ток* несомненно разные фонологические явления, но из этого никак не следует, что *ст*, которое противопоставляется *т*, неразложимое целое. Равным образом, несомненно, противопоставленные в туркменском *āл* 'светлокрасный' — *ал* 'возьми' отнюдь не доказывают того, что *ā* единая фонема, а не сочетание двух *а*.

Вопрос о фонологической членимости решается многими советскими языковедами на основании критерия морфологической делимости, выдвинутого Бодуэном. Монофонемность признается только тогда, когда внутри долгого гласного или согласного, а также между компонентами дифтонга или аффрикаты не проходит морфологическая граница (Иванов и Поливанов, 1930; Биршерт, 1940; Карпов, 1952; Сыромятников, 1952 и др.). Ряд авторов учитывает, кроме того, слоговую границу (Торсуев, 1950; Кязимов, 1952₂; Соколова, 1953).

Особенно сложным оказывается вопрос, когда в одном и том же языке долгие, дифтонги и аффрикаты встречаются как внутри морфем, так и на стыке морфем (Зиндер, 1960). В таких языках многие авторы трактуют соответствующие звуки в первом случае как монофонемные, во втором — как бифонемные (Батманов, 1946; Аванесов, 1948; Кязимов, 1952₁; Дмитриев, 1955₁).

В некоторых работах отмечались такие случаи, когда однородный долгий согласный должен трактоваться как сочетание двух разнородных фонем; например, сербскохорватские палатализованные — как сочетания соответствующих согласных с [j] (Кузнецов, 1948₁); шведские какуминальные /d:/, t:/ как сочетание [r] с дорсальными [d, t], т. е. как [rd, rt] (Зиндер, 1949). Такая трактовка предлагается для случаев, когда однородная артикуляция не противопоставляется сочетанию соответствующих фонем, а может рассматриваться как факультативный вариант последнего (Зиндер, 1963).

При наличии фонематического противопоставления по длительности (т. е. при монофонемности долгих) большинство советских авторов справедливо считает длительность признаком, различающим фонемы, а не относят

ее, как это делают Р. Якобсон, М. Халле и др., к просодическим явлениям. Основываясь на соображениях такого рода, С. К. Шаумян дополнил перечень бинарных оппозиций Р. Якобсона парой: долгота — краткость (Шаумян, 1962₁). Однако такое решение, по-видимому, не будет обязательным для всех языков; так, исследования гласных эстонского языка, где различают три фонологические степени долготы (Аристэ, 1946), показали, что длительность в нем должна быть отнесена к суперсегментным явлениям. Дело в том, что противопоставление гласных разных степеней долготы имеет место только в ударенных слогах, а главное — что различие между степенями долготы обнаруживается в количественной характеристике гласных, взятой не самой по себе, а в отношении длительности ударного гласного к длительности безударного в том же слове (Лийв, 1962).

О фонологической сущности ударения, о его суперсегментарном характере неоднократно писал П. С. Кузнецов, который убедительно доказал, что ударение не может служить признаком, различающим фонемы, так как ударные и безударные гласные по условиям своего существования не могут противопоставляться в одинаковых позициях (Кузнецов, 1941, 1948₁, 1948₂). Из этого безусловно справедливого утверждения можно было бы сделать и еще один более общий вывод о том, что безударные гласные не могут представлять фонемы, противопоставленные ударным гласным.

Суперсегментный, просодический характер видит в фонологическом противопоставлении гласных и согласных С. К. Шаумян (1962₂). Это положение автор основывает на том, что гласные и согласные не могут быть противопоставлены в одной и той же позиции в слоге (Шаумян, 1962₂). Такая точка зрения, несомненно достойная внимания, в общем восходит к очень старым представлениям о гласных как о вершинах слога и согласных как звуках неслогообразующих. Некоторое уточнение в это правильное в фонологическом отношении положение было внесено пишущим эти строки (Зиндер, 1960).

В числе сложных фонологических проблем, привлекавших внимание советских исследователей, следует упомянуть трактовку гласных непервых слогов в языках, характеризующихся сингармонизмом.

Наряду с попутными замечаниями о несовпадении систем фонем в первых и непервых слогах, встречающимися у некоторых авторов (Баскаков, 1952), в последние годы появились и специальные работы по этому вопросу. Все авторы сходятся в том, что число противопоставленных гласных в непервых слогах меньше, чем в первых. Однако, если одни объединяют их с соответствующими гласными первых слогов (Кязимов, 1952₂), то другие считают, что гласные фонемы непервых слогов образуют особую подсистему (Реформатский, 1955₂; Черкасский, 1957, 1962; Суник, 1958). Предлагаются различные модели и способы описаний систем гласных тюркских языков в связи с сингармонизмом (Мельников, 1962₁).

Учение Н. С. Трубецкого о разграничительных сигналах нашло отклик и в советском языковедении. Еще Л. В. Щерба указывал на то, что особый характер слогаделения свидетельствует о наличии границы между знаменательными словами в русском языке (Щерба, 1937). В последнее время появился ряд работ, посвященных этой проблеме. Общий характер носит статья М. В. Панова, представляющая несомненный теоретический интерес (Панов, 1961). В этой статье вводится новое понятие «дизрема»,

за которым, по мысли автора, стоит некая особая фонологическая разграничительная единица. С этим едва ли можно согласиться, так как такая единица обладала бы не только чрезвычайно сложной, но и весьма расплывчатой характеристикой. Сам автор признает, что «диерема — парадоксальная, многолика, противоречивая фонологическая единица»²⁸.

Ряд работ посвящен исследованию разграничительных средств в отдельных языках. Много интересных частных наблюдений сделано на материале русского языка (Гвоздев, 1949; Аванесов, 1956; Панов, 1961). В качестве признака границ слов в тюркских языках рассматривается сингармонизм (Мельников, 1962₁, 1962₂). Разграничительную функцию можно видеть в зиянии во французском языке, с чем связывается тенденция к сокращению употребления liaison, и соответственно к распространению зияния в современной разговорной речи (Соколова, 1962).

С вопросом о разграничительных сигналах связана проблема фонетической структуры слова, анализу которой в советской лингвистике были посвящены специальные исследования на материале русского и английского языков. Неразработанность проблемы требовала, прежде всего, определения самого понятия фонетической структуры. Последняя характеризуется как состоящая из четырех компонентов: 1) количество фонем слова и возможные сочетания их в различных частях слова, 2) взаимное приспособление артикуляций, образующее «определенную артикуляторную структуру», 3) «силлабическая структура» и 4) «акцентноритмическая структура» (Торсуев, 1962).

В качестве акустических средств, характеризующих слово, указывается интенсивность, длительность и спектр звуков, тогда как мелодика относится к характеристике фразы (Златоустова, 1962).

О свойствах фонологических систем, о типологии противопоставлений в советской лингвистике писали мало. Эта проблема затрагивалась, однако, как в общих курсах (Реформатский, 1955, 1960; Зиндер, 1960), так и в работах, посвященных отдельным вопросам фонологии (Кузнецов, 1941). В некоторых из них критикуется система оппозиции Н. С. Трубецкого и предлагается иная классификация их (Реформатский, 1955₂, 1961), или же выдвигается иной подход к построению систем в целом (Зиндер, 1960).

О типологии фонологических систем в плане бинарной классификации дифференциальных признаков писала М. И. Лекомцева (1963). Рассматривались и некоторые вероятностные характеристики фонологических систем (Широков, 1964).

Интересные соображения относительно возможной несимметричности системы были высказаны М. И. Стеблин-Каменским, который в связи с этим критикует теорию множественности фонологических решений. Эта теория вызвана, по его мнению, стремлением к построению симметричных систем, а также недостаточным учетом фонетических фактов (Стеблин-Каменский, 1964).

Разработка общих вопросов описания фонетических систем, артикуляторных и акустических характеристик звуков речи, принципов классификации и др. велась в советской лингвистике в основном Л. В. Щербой.

²⁸ Панов, 1961, стр. 19.

Его взгляды, находившиеся в русле мировой науки, отличались всегда оригинальностью подхода и предлагавшихся им решений. Систематизированного изложения их не осталось в опубликованных им трудах (см., однако, Щерба, 1936₂); полное представление о его общefonетической теории дают работы его учеников (Матусевич, 1941; Зиндер, 1960).

Если не касаться фонологического аспекта, который во всем имелся в виду Л. В. Щербой, то основные положения его общefonетической теории сводятся к следующему. 1. Фонетическое описание должно базироваться, прежде всего, на полном стиле произношения, при котором характеристики звуков речи выявляются наиболее полно. 2. Артикуляторная и акустическая стороны в звуках речи равноправны; следовательно, обе они должны быть представлены в фонетических описаниях. 3. При описании артикуляций следует основываться на действии активных произносительных органов. 4. В фонетических исследованиях нужно пользоваться и субъективными и объективными методами; в обоих случаях в основе должен лежать эксперимент. 5. В общей фонетике классификации подлежат не известные уже в науке типы звуков, а такие типы, артикуляция которых произносительным аппаратом человека в принципе возможна.

Исходя из последнего положения, Л. В. Щерба создал универсальные таблицы «Основных типов гласных» и «Основных типов согласных» (Матусевич, 1951), во многих отношениях отличающиеся от подобных таблиц, известных по мировой общefonетической литературе.

Построенные Л. В. Щербой классификации гласных и согласных основываются на их артикуляциях, что объясняется неразработанностью в то время вопросов акустики речи. Однако при описании гласных он давал и акустические характеристики их (Щерба, 1937).

Развитию общefonетической теории Л. В. Щербы несомненно способствовало включение в орбиту исследования большого числа типологически и генетически различающихся языков Советского Союза. В свою очередь его теория оказывала влияние на многих советских лингвистов, описывавших и классифицировавших самые разнообразные звуки. Ссылки на Л. В. Щербу мы находим и в работах 20—30-х годов и в послевоенных, притом не только у его непосредственных учеников (Поливанов, 1928; Соколова, 1949; Дикущина, 1952; Расторгуева, 1955), но и у многих других ученых (Яковлев, 1923; Поцелуевский, 1936).

В области типологии согласных в существовавшие классификации был внесен ряд дополнений и исправлений. К ним относится выделение увулярных (определявшихся в ряде работ как «глубокозаднеязычных»), которые отличаются от заднеязычных тем, что в последних активным органом является язык, а в первых — маленький язычок. Различение этих типов согласных обнаружено в разных языках: в тюркских (Барашков, 1953), в иранских (Соколова, 1953), в палеоазиатских (Крейнович, 1937; Мельников, 1948). Был выделен, кроме того, тип фарингальных, к которым относится согласный, определявшийся обычно как гортанный (Никонова, 1938; Торсуев, 1950); при этом оказалось необходимым различать верхнефарингальные и нижнефарингальные, засвидетельствованные, например, в ягнобском, в татском (Соколова, 1953). О фарингальной артикуляции в грузинском писал Г. С. Ахвледиани (1937). Было установлено различие между среднеязычными (палатальными) и палатализованными.

Была уточнена разнообразная артикуляция переднеязычных; введено различие между дорсальными, апикальными, какуминальными и ретрофлексными согласными (Матусевич, 1951). В ряде языков обнаружена противопоставленность разных типов переднеязычных, например, в белуджском, ваханском (Соколова, 1953).

В характеристике согласных по способу образования шума важной представляется трактовка аффрикат не как сложных (слитных) согласных, состоящих из смычного и щелевого, одинаковых по месту артикуляции, а как особого вида смычных, у которых последней фазой артикуляции является не взрыв (как у взрывных), а щель (Матусевич, 1941; Скалозуб, 1957).

Широкое признание получила щербовская трактовка шипящих как двухфокусных в отличие от однофокусных (свистящих) (Никонова, 1938; Соколова, 1949; Матусевич, Любимова, 1963; Скалозуб, 1963). Наряду с этим не менее распространено старое определение свистящих как зубных и шипящих как альвеолярных (Богородицкий, 1930, 1939).

Уточнено было описание артикуляции переднеязычных щелевых, которые обычно характеризовались как межзубные (например, туркменские и английские [ə, ð]); они были определены как плоскощелевые (Торсуев, 1950; Дикушина, 1952; Зиндер, 1960) в отличие от круглощелевых, таких, как, например, русские [s, z].

Из дополнительных артикуляций согласных советских языковедов давно занимала так называемая глоттализация, широко распространенная в разных языках Кавказа. Смычно-гортанные согласные были определены как надгортанно-экспираторные (Яковлев, 1923), позднее как абруптивы (Ахвледиани, 1938). Разные степени палатализации изучались на материале болгарского языка (Матусевич, 1955), литовского языка (Вайткевичуте, 1956); вопрос о фонологической трактовке палатализации был предметом анализа на материале литовского языка (Вайткевичуте, 1956), сербохорватского (Кузнецов, 1948₁), румынского (Дукельский, 1958₁) и корейского языка (Зиндер, 1956).

В связи с палатализацией был поднят вопрос о сложности различий между мягкими и твердыми согласными в русском языке, где соответствующие согласные различаются как палатализованные и веляризованные (Реформатский, 1958); это различие было обнаружено и в акустическом (Зиндер, Бондарко, Вербицкая, 1964) и в артикуляторном плане (Скалозуб, 1963).

Интересные наблюдения над использованием дополнительных артикуляций опубликовал Н. В. Юшманов, занимавшийся исследованием общих черт в фонетических системах африканских и кавказских языков (Юшманов, 1937).

Много нового внес Л. В. Щерба в типологию гласных (Матусевич, 1951). В основе его классификации лежит идея непрерывного перехода из одного типа в другой, что связано с постепенным перемещением языка в полости рта как в горизонтальном, так и в вертикальном направлении. Щерба предложил различать четыре ряда: передний, задний, смешанный, центральный; при этом, чтобы подчеркнуть известную условность границ между ними, он ввел понятия отодвинутые, произносимые с несколько оттянутым назад языком, и продвинутые, которые произносятся с несколь-

ко выдвинутом языке. Кроме того, он различал в переднем и в смешанном рядах **а**пикальные и дорсальные.

В классификации гласных по подъему языка Л. В. Щерба подчеркивал, что абсолютное деление по степени подъема невозможно. Вместо недостаточного с общefonетической точки зрения подразделения на три «ступени» Щерба придерживался практически более удобного подразделения «кардинальных» гласных на шесть степеней подъема. В дальнейшем положения Л. В. Щербы нашли отражение в ряде работ. На основании широкого изучения рентгенограмм они получили ряд уточнений (Наделяев, 1960).

Из дополнительных артикуляций гласных подробно исследовалась фарингализация гласных в тувинском языке, где она имеет фонологическое значение (Кунаа, 1957). Аналогичные наблюдения были сделаны и на материале эвенского языка (Новикова, 1960).

Существенный вклад внес Щерба в теорию слогоделения и в учение о синтагме.

Развитие общefonетической теории опиралось в значительной мере на многочисленные экспериментально-фонетические исследования. В советском языковедении последовательно проводилась и проводится мысль о том, что так называемая экспериментальная фонетика — это не особая дисциплина, а только метод (вернее, совокупность методов), который должен обязательно сочетаться с прямым наблюдением. Об этом писал и один из основоположников экспериментальной фонетики — В. А. Богородицкий (1930, 1934), и Л. В. Щерба (1936), и другие (Артемов, 1956; Зиндер, 1960). Еще в дореволюционной науке в России этот метод использовался в чисто лингвистических, фонологических по своей направленности трудах. Здесь уместно напомнить, что теория фонемы Л. В. Щербы была изложена им в экспериментально-фонетическом (по преимуществу — акустическом) исследовании о русских гласных. Интересно, что в науке Запада такая связь между акустическими методами изучения звуков речи и фонологией выявилась гораздо позднее в работах Р. Якобсона и его сотрудников.

Экспериментально-фонетическая методика вначале (еще в дореволюционное время) применялась в основном в двух лабораториях: в Казанском университете под руководством В. А. Богородицкого и в Петроградском под руководством Л. В. Щербы. В предвоенный период возник целый ряд лабораторий при разных университетах, однако большинство из них не сохранилось до наших дней отчасти ввиду затруднений с оборудованием, а главным образом из-за отсутствия подготовленных кадров. В настоящее время многочисленные исследования ведутся в лабораториях при Ленинградском университете, при И МГПИИЯ, при Институте русского языка АН СССР, при Киевском университете; в несколько меньших масштабах в Тбилиском и Одесском университетах, однако все они нуждаются в пополнении новейшей аппаратурой, особенно для спектрального анализа. Из созданных в последние годы лабораторий самое совершенное оборудование имеется в лаборатории Института языка и литературы АН Эст. ССР. Развертыванию работ в новых лабораториях мешает и сейчас отсутствие достаточного количества специалистов с широкой лингвистической фонетической подготовкой.

За 50 лет советской науки в экспериментально-фонетической методике

произошли существенные сдвиги. При изучении артикуляции звуков речи применялась и применяется сейчас в основном пневматическая аппаратура (записи на кимографе) и палатография (Шараф, 1927; Богородицкий, 1930; Шор, 1930, 1935; Зиндер и Матусевич, 1937; Жгенти, 1947; Грузов, 1957; Чанков, 1957; Скалозуб, 1957 и 1963; Прокопова, 1958). Кимографические записи использовались многими исследователями при определении длительности звуковых единиц и темпа речи (Богородицкий, 1930; Ахвледиани, 1937; Биршерт, 1940; Соколова, 1949 и 1953; Завьялова, 1954; Златоустова, 1954; Байчура, 1959; Кравченко, 1960; Зиндер, 1964).

Как известно, пневматические приборы дают возможность судить о способе артикуляции (смычка, щель, дрожание; положение нёбной занавески) только косвенно по поведению выходящей при фонации воздушной струи, которая отклоняет перо регистрирующего барабанчика. Попытки заменить пневматическую аппаратуру электроакустической (Артемов, 1940) не дали положительных результатов; поэтому в Лаборатории I МГПИИЯ, отказавшейся от пневматической методики, исследования артикуляций почти не проводились. Более совершенная и точная аппаратура применяется сейчас физиологами (Чистович, Кожевников и др., 1965); однако, и для них источником является воздушная струя. Стремясь получить прямые данные о работе языка, сотрудники лаборатории Киевского университета разрабатывают тензометрический метод, который позволит изучать напряженность артикуляции.

В этой же лаборатории впервые начали разработку методов исследования некоторых артикуляторных параметров по осциллографическим записям; это — вибрация голосовых связок, способ артикуляции и др. (Сунцова, Прокопова, Скворцов, 1955; Прокопова, 1960). Поскольку эта методика позволяет получать и акустические характеристики звуков речи, она, несомненно, получит распространение в фонетике.

Метод палатографии, применяющийся для определения мест контакта языка с нёбом, совершенствовался в двух направлениях. Во-первых, были созданы приборы для прямого палатографирования, которые избавляют от необходимости изготавливать искусственное нёбо для каждого испытуемого отдельно. Такие приборы были сконструированы в лабораториях Тбилисского (Жгенти, 1960) и (особенно совершенный) Киевского университетов (Прокопова, Скворцов, Тоцька, 1962 и 1963). Эти приборы, однако, не меняют статического характера палатографии. Получение непрерывных сведений о контактах языка с нёбом в процессе говорения стало возможным в последнее время благодаря развитию электронной техники. Здесь приоритет принадлежит физиологам, создавшим уникальную установку для комплексной регистрации артикуляторных параметров (Кожевников и Шупляков, 1962), в том числе и для динамической палатографии (Кузьмин, 1963).

Для исследования положения кончика языка при артикуляции звуков использовался метод одонтографии (Скалозуб, 1957; Прокопова, 1958).

Широкое применение для изучения конфигурации всех полостей речевого тракта получили рентгеновские съемки²⁹. Большинство исследова-

²⁹ Следует заметить, что почти все работы по рентгено съемкам ведутся на базе специальных медицинских учреждений.

телей пользовалось статическими съемками (Артемов и Гинзбург, 1954; Матусевич, 1955; Скалозуб, 1957; Чанков, 1957; Прокопова, 1958; Арамян, 1958; Долидзе, 1959; Зиндер, 1960; Садыков, 1961). Некоторые авторы применяли оригинальную методику для количественной характеристики размеров резонирующих полостей (Шварцман, 1955; Грузов, 1957). Постепенно внедряются и кинорентгеновские съемки; большой материал был получен Н. И. Жинкиным (Жинкин, 1958). Прекрасных результатов достигли в этом отношении сотрудники лаборатории Киевского университета (Прокопова, Родзаевский, Тоцкая, 1964).

Изучение работы губ, проводившееся сначала при помощи статической фотографии (Щерба, 1937; Торсуев, 1950; Дикушина, 1952), в последнее время значительно расширило свои возможности в связи с использованием киносъемки (Бровченко, 1952; Лийв, 1962), которая позволяет не только наблюдать разные фазы артикуляции одного и того же звука, но и получать интересные сведения об изменениях артикуляции звуков в потоке речи (Зиндер, 1964).

В исследовании акустических характеристик звуков речи в последние десятилетия произошли большие изменения, обусловленные развитием радиотехники и электроники. От опытов Л. В. Щербы, исследовавшего тембральные характеристики русских гласных при помощи набора камертонов; от исследований В. А. Богородицкого и М. А. Берг, в которых характерный тембр гласных определялся при помощи электрического фёна, мы пришли к исследованиям спектральных характеристик речевого потока на основе наиболее полных и исчерпывающих спектрограмм типа «Видимая речь» (Линдов, 1960).

Первые работы по спектральному анализу принадлежат акустикам и физиологам, занимающимся изучением речи (Варшавский и Литвак, 1955; Чистович, 1958; Деркач, 1958). После этих работ появился целый ряд исследований, где с разной степенью строгости анализа и выводов фонетисты занимались спектральными характеристиками, главным образом гласных (Барышникова, 1960; Бондарко, 1960; Григорьев, 1962; Вербицкая, 1964) и меньше — согласных (Исенгельдина, 1960; Каспранский, 1963; Зиндер, Бондарко, Вербицкая, 1964). К настоящему времени накопился уже довольно значительный материал по спектральным характеристикам звуков различных языков. Кроме упомянутых можно назвать: по армянскому языку (Арамян, 1958; Хачатрян, 1963), по грузинскому (Цибадзе, 1959), по эстонскому (Лийв, 1962), по литовскому (Свечевичюс, 1964), по французскому (Жгенти, 1959; Соколова, 1960), по немецкому (Блохина, 1960), по английскому (Акмаров, 1965), по персидскому (Гап-риндашвили, 1964).

Большое значение имеет возможность совмещения спектрального и слухового анализа, которая появилась благодаря изобретению различного рода приборов, служащих для выделения из речевого потока отдельных звуков или их частей (Варшавский и Глушкова, 1957).

Исследование изменения высоты основного тона голоса первоначально проводилось только по пневматическим записям, которые дают для этого достаточно надежный материал. Для построения графиков мелодики непосредственно по кимограммам была предложена специальная измерительная линейка (Кравченко и Гордина, 1951). Пневматические записи

не содержат между тем достаточных сведений об интенсивности записанных звуков. Более надежные данные по интенсивности были получены на электроакустической аппаратуре лаборатории I МГПИИЯ, которая одновременно фиксирует и движение основного тона (Артемов, 1950). Однако отсутствие должной паспортизации этой аппаратуры не позволяет объективно оценить получаемые результаты. Наиболее совершенной методикой для исследования указанных параметров речи является осциллографирование, также широко используемое в последнее время. Несомненное преимущество осциллографа заключается еще и в том, что осциллограммы могут быть получены с ферромагнитной ленты и таким образом исследователь может систематически сопоставлять результаты анализа со слуховыми впечатлениями (Златоустова, 1962). Осциллографический метод широко используется в лабораториях Киевского и Ленинградского университетов.

При всей точности записей, получаемых на шлейфных осциллографах, они очень неудобны для обработки, так как вычисление высоты основного тона, а также и интенсивности по осциллограммам требует больших затрат времени и чрезвычайно затрудняет исследование.

Для преодоления этой трудности были созданы специальные приборы («интонографы»), автоматически регистрирующие изменения высоты основного тона голоса и изменения интенсивности (Мартынов, 1962). Таким образом, экспериментатор непосредственно получает готовую мелодическую кривую и огибающую интенсивности. Наиболее совершенные приборы такого типа имеются в лабораториях Института русского языка АН СССР и Института языка и литературы АН Эст. ССР.

Широкое распространение в последнее десятилетие получили опыты с искусственно преобразованной речью: так называемая «пересадка» звуков (Дукельский, 1958₁, 1958₂); инверсионное прослушивание (Дукельский, 1962); искусственное преобразование спектров (Зиндер, Бондарко, Вербицкая, 1964).

Изучение фонетики языков Советского Союза стало актуальным еще в двадцатых годах в связи с созданием письменности для многих бесписьменных языков и с латинизацией ряда алфавитов старописьменных языков. При этом прежде всего дело шло об определении состава фонем³⁰. Однако попутно с этим зачастую оказывалось необходимым обращаться и к собственной фонетической характеристике звуков речи.

Вначале специальных публикаций по фонетике не было, краткие очерки, характеризующие состав фонем и произношение, включались в общие описания языков (ср., например, «Языки и письменность народов Севера», 1934—1937). Специальные работы по фонетике разных языков Советского Союза появились гораздо позднее; многие из них были выполнены

³⁰ Благодаря этому широкое практическое приложение получило учение о фонеме как кратчайшей звуковой словоразличительной единице. Различие в трактовке фонемы не могло при этом сказаться, поскольку, как указывалось выше, состав фонем языка всеми определяется по позициям максимального различия. Что же касается графики, то тут теория фонемы, подразумевающая понятие гиперфонемы, неприменима на практике. В самом деле, какие буквы надо писать в начале слов *стол*, *где*, *ткать*, *здесь* и многих других, если считать, что невозможно определить, какие фонемы они должны передавать на письме?

(целиком или частично) при помощи разнообразных экспериментально-фонетических методов.

Полного описания фонетического строя до сих пор нет ни для одного из языков Советского Союза. Имеется все же ряд общих работ, которые содержат, кроме артикуляторной характеристики звуков, еще и некоторые другие сведения (о структуре слога и слогоделении, об ударении и др.).

Такие общие описания следует отметить для русского языка (Богородицкий, 1930; Аванесов, 1956); для некоторых тюркских языков (Богородицкий, 1934; Поцелуевский, 1936; Батманов, 1946; Кунаа, 1957; Байчура, 1959; Демирчизаде, 1960); для грузинского языка (Жгенти, 1956); для эстонского (Аристэ, 1953); для марийского (Грузов, 1960); для таджикского (Соколова, 1949; Расторгуева, 1955) и других иранских языков (Соколова, 1953; Исаев, 1959); для монгольских (Бураев, 1960; Павлов, 1963); для некоторых северных языков (Крейнович, 1937; Аврорин, 1957; Новикова, 1958).

Большое место среди общих описаний фонетического строя занимают книги по фонетике трех западноевропейских языков: английского, немецкого и французского. Уже в начале двадцатых годов в нашей стране широко развернулось обучение этим иностранным языкам взрослых учащихся, в частности студентов высшей школы. В связи с этим стали разрабатываться методы «сознательного» изучения иностранных языков, в том числе и их произношения. Интерес к усвоению последнего стимулировался еще и желанием овладеть не только чтением текстов, но и живым языком.

Застрельщиками новых методов преподавания произношения были Л. В. Щерба и С. К. Боянус. Л. В. Щерба впервые ввел у нас в преподавание граммафонные записи, положив этим начало применения технических средств при постановке произношения.

Хронологически первой работой, отражавшей эти методы, была книга С. К. Боянуса «Постановка английского произношения» (Боянус, 1926). Здесь в очень кратком изложении содержатся все разделы, которые впоследствии стали включаться у нас в такого рода пособия: вопрос о фонеме (в психологической ее трактовке); различие звука и буквы, вопросы объяснения артикуляции иностранного языка в связи с особенностями родного языка, описание органов речи, классификация и описание гласных и согласных, правила ударения, некоторые сведения о ритме и мелодике, правила чтения, упражнения и хрестоматия в транскрипции.

Роль образца, однако, при создании учебников по фонетике иностранных языков сыграло не это пособие, а книга Л. В. Щербы «Фонетика французского языка», вышедшая первым изданием в 1937 г. и неоднократно с тех пор переиздававшаяся (2-е прижизненное издание 1939, 5-е — 1955)³¹.

Помимо описания звукового строя французского языка, значение этой книги определяется изложением в ней ряда общefonетических и фонологических вопросов, в связи с чем она уже неоднократно упоминалась выше. Это — новое определение фонемы, теория слогоделения на основе

³¹ Начиная с 3-го издания, книга выходила под редакцией М. И. Матусевич, которая вносила в нее лишь незначительные добавления и исправления. Издания после 5-го являются стереотипными.

изменения мускульного напряжения, теория различных произносительных стилей, теория синтагматического членения речевого потока, теория интонационной одночленности — двучленности предложений.

Неудачное в этой книге Л. В. Щербы употребление термина «фонема» также и для обозначения основного оттенка, несмотря на сделанную им оговорку, привело к неправильному отождествлению основного оттенка и фонемы рядом авторов, считавших, что они в этом отношении следуют за Л. В. Щербой.

По английской фонетике вслед за упомянутой книгой С. К. Боянуса еще до войны появились и несколько более подробные, но довольно элементарные учебники, содержащие описание артикуляций звуков и основные сведения по интонации (Трахтеров, 1934; Витомская, 1939).

Обстоятельное и более оригинальное изложение теории фонетики английского языка с обсуждением спорных фонологических вопросов (о составе фонем, о трактовке дифтонгов) содержится в ряде учебных пособий и курсов лекций, вышедших в 50—60-х годах (Торсуев, 1950; Дикушина, 1952; Трахтеров, 1955; Васильев и др., 1962).

Фонетика немецкого языка представлена меньшим числом работ. Первой вышла еще в 1938 г. книга О. Н. Никоновой (1938), которая расширялась от издания к изданию (3 изд. — 1958) с учетом частных исследований, выходивших в СССР и за рубежом. Основное внимание в ней уделено описанию фонем в сопоставлении с русским языком и интонации. Кроме того, следует указать книгу О. Х. Цахера (Zacher, 1960), который в изложении теории фонемы, в отличие от всех названных выше авторов, придерживавшихся взглядов Л. В. Щербы, стоит на позициях московской фонологической школы.

К группе общих описаний фонетического строя западноевропейских языков примыкают многочисленные вводные курсы, которые по существу представляют собой тоже общие очерки фонетического строя, но более краткие и элементарные и с отчетливо выраженной практической направленностью на постановку произношения. Сама идея создания специального курса постановки произношения, рассчитанного на начальный период обучения языку, принадлежит Л. В. Щербе; некоторые соображения в этой связи были им высказаны уже в «Фонетике французского языка» (1 изд. — 1937) и позднее в предисловии, написанном в 1941 г. к «Вводному курсу немецкого языка» И. П. Сунцовой (1951); однако теория сознательного метода постановки произношения была изложена впервые С. И. Бернштейном (1937). Позднее построение и объем вводного фонетического курса неоднократно обсуждались (Норк, 1945; Васильев, 1946; Сунцова, 1946, 1951; Трахтеров, 1947 и др.) и был создан ряд элементарных вводных курсов для разных языков: английского (Трахтеров, 1947; Горышняк, 1957), немецкого (Норк, 1946; Сунцова, 1951, 2 изд. — 1958; Линднер, 1951; Шишкова, Детина, 1964), французского (Кирилловская, 1 изд. — 1947, 3 изд. — 1955).

В плане сопоставительного изучения фонетического строя разных языков представляют интерес пособия по преподаванию фонетики того или иного иностранного языка русским (Торсуев, 1956; Лукницкий, 1957; Мурашева, 1961). В них содержатся указания на трудности и типичные ошибки при усвоении фонетического строя иностранного языка, интер-

претируемые с точки зрения взаимоотношения фонологических и артикуляционных систем обоих языков. При всей их практической направленности, эти работы так же, как и вводные курсы, содержат немало наблюдений, интересных в общefonетическом отношении.

К указанным пособиям примыкают появившиеся в последнее десятилетие работы по преподаванию русского произношения иностранцам (Братусь, 1955; Карабчинская, 1959; Мищенко, 1957; Теплякова, 1960; Брызгунова, 1963).

О важности фонологического подхода в преподавании произношения иностранцам, что всегда подчеркивалось в советской методике, писал А. А. Реформатский (1959). Некоторые спорные моменты в его статье вызвали возражение со стороны А. Н. Гвоздева (1960₂).

В последние годы появились общие описания фонетических систем также и некоторых восточных языков: китайского (Гальцев, 1962), вьетнамского (Мхитарян, 1959).

Большое число работ, выполненных за последние десятилетия, посвящено исследованиям характеристик отдельных групп звуков как языков Советского Союза, так и зарубежных, при этом многие исследования выполнены как сопоставительные. Такие работы имеются по русскому языку (Дукельский, 1958; Матусевич, Любимова, 1963; Скалозуб, 1963; Зиндер, Бондарко, Вербицкая, 1964; Вербицкая, 1964); по украинскому (Бровченко, 1952; Проколова, 1958; Тоцька, 1960 и 1961; Шатух, 1963); по армянскому (Арамян, 1957 и 1958; Хачатрян, 1963); по грузинскому языку (Ахведиани, 1937, 1938, 1959; см. также «Фонетический сборник I», 1959); по казахскому языку (Исенгельдина, 1960); по эстонскому языку (Лийв, 1962); по литовскому (Вайткевичуте, 1956; Свецевичюс, 1964); по латышскому языку (Вецозол, 1954); по татарскому (Шараф, 1927 и 1928); по азербайджанскому (Кязимов, 1952 и 1956); по иранским языкам (Соколова и др., 1952; Завьялова, 1954 и 1961; Исаев, 1954); по болгарскому языку (Матусевич, 1955); по румынскому (Дукельский, 1958₁); по молдавскому (Гожин, 1963); по французскому (Шварцман, 1957; Жгенти, 1959; Амирбеков, 1964); по испанскому (Карпов, 1952; Саломатина, 1960); по немецкому языку (Уроева, 1954; Проколова, 1959, 1960; Цахер, 1961; Каспранский, 1963); по английскому языку (Биршерг, 1940; Кязимов, 1952; Бровченко, 1954; Свецевичюс, 1960; Идаятзаде, 1961, 1962).

Достойны упоминания немногочисленные работы, касающиеся фонетического освоения заимствований (Сунцова, 1960; Ятлова, 1960; Рот, 1963).

* * *

Фонетическая теория слога и проблема слогоделения также привлекали внимание советских исследователей.

Широко распространенная в фонетике сонорная теория развивалась на материале русского языка Р. И. Аванесовым, сформулировавшим закон восходящей звучности, согласно которому начало слога определяется обязательным возрастанием звучности (Аванесов, 1956). По этой теории слова, состоящие из одинаковых звуковых цепочек, должны иметь однозначное слогоделение, что едва ли охватывает все случаи.

На сонорной теории слога основывается и Н. И. Жинкин, который в своем капитальном исследовании изучал физиологический и акустический механизм, регулирующий громкость произнесения (Жинкин, 1958). По его данным в произносительном аппарате имеется специальный орган, выполняющий эту функцию. Таким органом является гипофаринкс (глочечная трубка), максимальное сужение которого обуславливает наибольшую громкость, соответствующую вершине слога. Динамическими модуляциями гипофаринкса определяется деление речевой цепи на слоги.

Л. В. Щербе принадлежит другая теория слога (1937), которую называют теорией мускульного напряжения. Слогораздел по этой теории приходится на момент минимального напряжения, который обусловлен сильноначальным, сильноконечным или двухвершинным характером согласного. Последний, в свою очередь, определяется фонетическими закономерностями данного языка (Зиндер, 1960). На материале русского языка теория слогоделения Щербы была подтверждена Златоустовой (1962).

Г. С. Ахвледзиани, первоначально принимавший сонорную теорию (Ахвледзиани, 1924), впоследствии выдвинул теорию, по которой между согласными нет слогораздела, если звук более переднего образования предшествует звуку более заднего образования; при обратной последовательности граница слогов проходит между согласными (Ахвледзиани, 1938). К работам Г. С. Ахвледзиани примыкает подробное исследование строения слога и правил слогоделения, выполненное на материале картвельских языков С. М. Жгенти (1960₂).

Предлагалась также теория слога как монолитных отрезков речи. «ограниченных перерывами голосового тона или ослаблениями его активности» (Трахтеров, 1956).

Собственно артикуляторный анализ слога, рассматривающий строение его как наименьшей произносительной единицы, показал, что общим, универсальным, типом следует считать слог, состоящий из одного согласного и одного гласного ³² (Чистович и Бондарко, 1963). Все прочие типы слогов, встречающиеся в современных языках, при таком понимании должны трактоваться как производные, образовавшиеся вследствие утраты промежуточных гласных.

Фонетическая природа словесного ударения была предметом ряда специальных работ. В них анализируется роль различных компонентов ударения: высоты, силы, длительности, качества гласного. Наиболее фундаментальные исследования были выполнены на материале русского языка (Златоустова, 1953, 1954, 1956; Жинкин, 1954, 1958), грузинского (Жгенти, 1959, 1963), английского языка (Гликина, 1958; Соколова, 1960; Торсуев, 1960). Вопрос о возможности вычленения словесного ударения на фоне общей интонации предложения решается в этих работах положительно ³³.

Общепринятая точка зрения на русское ударение как на динамическое опровергается рядом работ; доминирующим компонентом его признается

³² Это согласуется с положением В. А. Богородицкого, который определяет согласные как «ртосмыкатели», а гласные как «ртораскрыватели».

³³ Работы, исследующие вопрос о морфологических закономерностях, определяющих место ударения в слове, здесь не рассматриваются.

длительность (Златоустова, 1953, 1954, 1956). Интересные данные в этом отношении получены в опытах по восприятию синтезированной речи; более длительный гласный воспринимается как ударенный, независимо от его интенсивности, которая может быть слабее, чем интенсивность более короткого гласного в том же слове (Зиндер, 1957₂).

О фонетической природе музыкального ударения в скандинавских языках писали И. Б. Ефремова (1963) и В. М. Сохацкий (1964). Словесным ударением в тоновых языках занимались Ю. Яншанцин (1940) и Н. А. Спешнев (1958).

Исследованиям в области интонации стало уделяться больше внимания со стороны советских лингвистов только с конца 30-х годов. В первые годы после Великой Октябрьской революции, продолжая прежние традиции отечественной лингвистики, интонацией занимались в основном театральные деятели в связи с обучением актеров «выразительному чтению» (Всеволодский-Гернгросс, 1922). Первой работой по лингвистической теории интонации, если не считать большей частью кратких сведений, сообщавшихся в общих курсах (Поливанов, 1923, 1928), была статья А. М. Пешковского «Интонация и грамматика» (Пешковский, 1928), оказавшая в дальнейшем большое влияние на многих авторов работ по вопросам интонации. Это относится особенно к сформулированному А. М. Пешковским «принципу замены», согласно которому: «чем яснее выражено какое-либо синтетическое значение чисто грамматическими средствами, тем слабее может быть его интонационное выражение (вплоть до полного исчезновения), и наоборот» (Пешковский, 1959, стр. 184).

Мысль о тесной связи интонации со строем предложения, с синтаксисом проходит красной нитью через все последующие специальные исследования, в которых, кроме того, подчеркивалась роль интонации как выразителя эмоционально-волевой стороны речи (Артемов, 1953; Норк, 1953; Гарнцева, 1958). Что касается фонетической природы интонации, то ее компонентами признаются не только мелодика, но также интенсивность, тембр, темп (Торсуев, 1950; Артемов, 1953; Блинов, 1956) и пауза (Гвоздев, 1949; Панкрац, 1959; Зиндер, 1960).

В общетеоретическом плане внимание широкого круга советских лингвистов привлекал вопрос о наименьшей (в смысле линейной неделимости) интонационной единице речи. В «Фонетике французского языка» Л. В. Щерба назвал такую единицу синтагмой и определил ее как «фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи — мысли»³⁴.

Допустив в качестве синонима для «синтагмы» термин «дыхательная группа», Л. В. Щерба дал повод к искаженному толкованию этой единицы, как обусловленной физиологией дыхания (Кротевич, 1946). Стремление представить синтагму как чисто синтаксическую единицу (Виноградов, 1950) вызвало возражения, поскольку интонация является единственным средством выражения синтагмы (Дикущина, 1961).

Фонетической природе интонации посвящены многочисленные исследования, большая часть которых вышла из Лаборатории I МГПИИЯ. Пер-

³⁴ Щерба, 1937, стр. 80.

вое экспериментальное исследование в этой области (Торсуев, 1940) было построено как анализ двух видов мелодического оформления односоставных предложений в английском языке, с указаниями на использование каждой формы мелодики в разных коммуникативных типах предложений. В дальнейшем новая техника эксперимента позволила включить в анализ, кроме мелодики и длительности, еще и интенсивность, а в последнее время авторы стремятся учесть также и тембральные изменения (Смольевский, 1961; Златоустова, 1962; Антипова, 1963; Егоров, 1964), хотя и в самой общей форме и нередко только на слух.

Та постановка проблемы изучения интонации, которая видна в исследовании Г. П. Торсуева: изучение использования интонационных форм — не получила развития в 50-е годы. Основное внимание уделялось интонационному, синтагматическому членению предложения на материале разных языков (Дикушина-Поддячая, 1951; Ваараск, 1951; Карпов, 1953; Алхазидзе, 1959; Завьялова, 1961; Жгенги, 1963); выяснялись интонационные типы синтагм и семантическая роль разных типов членения (Калачев, 1953; Кузнецова, 1960); на конкретном материале развивалась теория Л. В. Щербы об одночленных и двучленных предложениях (Ганцкая, 1953; Кравченко, 1953; Кузнецова, 1960; Виллер, 1960). Экспериментальный анализ позволил уточнить общие представления о средствах членения речи: было показано, что восприятие паузы не всегда соответствует перерыву звучания, а связано с изменениями мелодики и интенсивности; обнаружилась роль темповых изменений для членения предложения и смысловой иерархии его частей (Кравченко, 1960; Смольевский, 1961; Торсуева, 1964).

Наряду с членением рассматривалось и оформление разных коммуникативных типов предложений³⁵ (Федосеева, 1953; Трофимова, 1955; Рыбалкина, 1960; Ревтова, 1963; Вербицкая, 1964; Норк, 1964). Особенно большое внимание было уделено различным типам вопросов, различающихся синтаксической структурой (Любопытнова, 1953; Пинаева, 1960; Торсуева, 1960; Пилипенко, 1963), стилистическим использованием (риторический вопрос — Левитова, 1958) или ситуацией употребления (Близниченко, 1956; Панкрац, 1959). В. М. Пинаева (1964) показала, что понятие двучленности, применявшееся только к повествовательным предложениям, может быть распространено и на вопросительные.

В большинстве этих работ, а именно в тех, которые выполнены в Лаборатории I МГПИИЯ, попутно рассматривалась и интонация эмоциональных оттенков высказывания; последнее нередко мешает выделить основные черты интонации, характеризующие коммуникативный тип. Некоторые работы и посвящены в основном описанию эмоциональных оттенков интонации внутри одного и того же коммуникативного типа (Рыбалкина, 1960). В качестве отдельного коммуникативного типа некоторые авторы рассматривают восклицательные предложения, характеризующиеся особой синтаксической структурой и своеобразной интонацией (Антипова, 1963; Егоров, 1964).

³⁵ Многие из этих исследований носят сопоставительный характер, причем интонация иностранных языков сравнивается, как правило, с русской; таким образом, подобные работы содержат исследование интонационных структур обоих сравниваемых языков.

Другая группа работ содержит описание интонаций различных синтаксических конструкций: сложные предложения, обособленные члены предложения, обращения и т. д. (см., например, Григорьева, 1956; Орлова, 1957; Канышева, 1957—1958, 1960; Миловидова, 1960; Трегубенков, 1960; Бондарко, 1960). Материалы этих исследований наглядно показывают, что типов интонаций меньше, чем типов предложений (Каминская, 1956); поэтому результатом исследования оказывается просто констатация одной из форм синтаксического членения, связанной со смысловыми отношениями частей, а не с грамматическим оформлением (Степанова, 1961; Киселева, 1963). Поэтому возможно говорить об особых интонациях обособления, присоединения и вводности (Мильк, 1958; Тихонова, 1963; Романова, 1964; Любимова, 1964; Трессак, 1964), но не об интонировании придаточных предложений.

Тем самым намечается переход к исследованиям более общего плана, к поискам основных типов интонационных единиц и их использования в различных синтаксических условиях (Брызгунова, 1963), то есть возвращение к той постановке вопроса, которая лежала в основе упомянутой статьи Г. П. Торсуева (1940). Намечаются и теоретические обобщения, строящиеся в указанном плане (Норк, 1964).

Особую проблему представляет природа фразовой интонации в тональных языках, поскольку при этом встает вопрос о взаимоотношении компонента тона и интонации. Исследования в этом направлении проводились на материале норвежского (Ефремова, 1961), китайского (Галенович, 1962; Румянцев, 1963) и вьетнамского (Гордина и Быстров, 1961) языков.

На всех работах в области интонации сказывается отсутствие общей теории, без которой частные вопросы не получают надлежащего истолкования, а выводы из большинства исследований остаются необобщенными. Некую попытку дать общую теорию суперсегментных средств речи предпринял П. К. Ваараск (1964), использующий материалы различных языков (в том числе тональных). Однако его построения слишком схематичны и не содержат достаточно глубокого проникновения в языковые факты, для того чтобы быть убедительными.

Специфический характер фонетических явлений — причина того, что они служат предметом изучения не только языковедения, но и социальных наук, таких, как акустика и физиология. Содружество советских фонетистов с представителями указанных наук началось еще в 20-е годы, когда под руководством Л. В. Щербы в Лаборатории экспериментальной фонетики ЛГУ проводили свои исследования врачи-фонологи и сурдологи (Матусевич, 1949). В дальнейшем это содружество, принципиально важное для развития фонетики (Щерба, 1936₁), развивалось и развивается сейчас в следующих основных направлениях: исследование объективных характеристик речи для создания устройств по автоматическому распознаванию ее (Варшавский и Литвак, 1955; Зиндер, 1957₂; Зиндер, Бондарко, Вербицкая, 1964), исследование проблем речеобразования и восприятия речи в тех же целях (Чистович, Бондарко, 1963; Чистович, Кожевников и др., 1965), разработка методов измерения разборчивости речи (Покровский, 1962), изучение механизма патологических нарушений речи и т. п.

Заканчивая очерк развития фонетики и фонологии за 50 лет, следует указать, что в эти годы впервые в нашей стране были опубликованы специальные курсы по общей фонетике (Ахвледиани, 1938; Матусевич, 1 изд.— 1941, 3 изд.— 1959; Ахвледиани, 1949; Зиндер, 1960).

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

- Аванесов Р. И.*, 1948.— О долгих шипящих в русском языке. «Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ», вып. 6.
- Аванесов Р. И.*, 1952.— К вопросу о фонеме. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. XI, вып. 5.
- Аванесов Р. И.*, 1955.— Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы.— Сб. «Вопросы грамматического строя». М.
- Аванесов Р. И.*, 1956.— Фонетика современного русского литературного языка. М.
- Аванесов Р. И. и Сидоров В. Н.*, 1945.— Очерк грамматики русского литературного языка, ч. 1. М.
- Аврорин В. А.*, 1957.— Основные правила произношения и правописания нанайского языка. Л.
- Аврорин В. А.*, 1958.— Сингармонизм гласных в нанайском языке.— ДСИЯ, № 11. М.— Л.
- Акмаров А. М.*, 1965.— Спектральный и рентгенографический анализ английских и удмуртских гласных. Автореф. канд. дисс. М.
- Алхазизвили А. А.*, 1959.— Порядок слов и интонация в простом повествовательном предложении грузинского языка. «Труды кафедры общего языковедения Тбилисского ун-та», 3. Фонетический сборник 1.
- Амирбеков О. А.*, 1964.— Длительность гласных в современном французском языке (экспериментально-фонетическое исследование). Автореф. канд. дисс. Л.
- Андреев Н. Д., Гордина М. В.*, 1963.— Тональная система и ударение в бирманском и вьетнамском языках.— В сб. «Филология стран Востока». Л.
- Андреев Н. Д., Гордина М. В., Тимофеева О. А.*, 1961.— Система тонов бирманского языка (по экспериментальным данным). «Уч. зап. ЛГУ», № 305.
- Антипова А. М.*, 1963.— Интонация восклицательных предложений в современном английском языке в сравнении с русским. «Уч. зап. I МГПИИЯ», т. 28, кн. 2.
- Арамян А.*, 1957.— Некоторые вопросы вокализма армянского языка (по данным экспериментально-фонетического исследования). «Изв. АН Арм. ССР». Обществ. науки, № 7.
- Арамян А.*, 1958.— Общие данные экспериментального исследования гласных звуков армянской речи. «Изв. АН Арм. ССР». Обществ. науки, № 2.
- Аристэ П.*, 1946.— Фонетика эстонского языка Тарту (на эст. яз.).
- Артемов В. А.*, 1940.— Новая электроакустическая установка для регистрации речи. «Уч. зап. I МГПИИЯ», т. 1. М.
- Артемов В. А.* 1950.— Лаборатория экспериментальной фонетики и психологии речи. М.
- Артемов В. А.*, 1953.— Об интонации. «Труды Военного института иностранных языков», 3—4. Вопросы интонации. М.
- Артемов В. А.*, 1956.— Экспериментальная фонетика. М.
- Артемов В. А., Гинзбург В. Г.*, 1954.— Рентгенологическое изучение речевой артикуляции. «Уч. зап. I МГПИИЯ», т. 8. М.
- Ахвледиани Г.*, 1921.— К вопросу о слоге. «Момавали», № 2 (на груз. яз.).
- Ахвледиани Г.*, 1937.— Фонетические заметки. «Изв. ИЯИМК», т. 1. Тбилиси.
- Ахвледиани Г.*, 1938.— Вопросы общей и грузинской фонетики Тбилиси (на груз. яз.).
- Ахвледиани Г.*, 1949.— Основы общей фонетики. Тбилиси (на груз. яз.).
- Ахвледиани Г. С.*, 1959.— О некоторых основных вопросах фонетики грузинского языка. «Труды кафедры общего языковедения Тбилисского ун-та», 3. Фонетический сборник 1.
- Азманова О. С.*, 1954.— Фонология. М.
- Байчура У. Ш.*, 1959.— Звуковой строй татарского языка. Экспериментально-фонетический очерк. Казань.
- Барашков П. П.*, 1953.— Звуковой состав якутского языка. Якутск.
- Барышникова К. К.*, 1960.— К вопросу об акустической характеристике гласных французского языка. «Уч. зап. I МГПИИЯ», т. 20.

- Баскаков Н. А.*, 1952.— Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология, ч. 1. М.
- Батманов И. А.*, 1946.— Фонетическая система современного киргизского языка. Фрунзе.
- Белинская Т. А.*, 1963.— Чередования в современном русском литературном языке. (Опыт фонологического анализа). Тбилиси.
- Белооверов В. Н.*, 1964.— Формальное определение фонемы.— ВЯ, № 6.
- Бернштейн С.*, 1936.— Фонема.— БСЭ, т. 58.
- Бернштейн С.*, 1937.— Вопросы обучения произношению. Применительно к преподаванию русского языка иностранцам. М.
- Бернштейн С.*, 1952.— Против идеализма в фонетике. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. XI, вып. 6.
- Бернштейн С. И.*, 1962.— Основные понятия фонологии.— ВЯ, № 5.
- Биршерт А. Ф.*, 1940.— К вопросу о системе фонем английского литературного языка. «Уч. зап. I МГПИИЯ», т. 1.
- Блианиченко Л. А.*, 1956.— Интонация переспроса в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. М.
- Блинов И. Я.*, 1956.— О русской речевой интонации. «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», т. 89.
- Блохина Л. П.*, 1960.— Спектральный анализ немецких нелабиализованных гласных фонем переднего ряда. «Уч. зап. I МГПИИЯ», т. 20.
- Богородицкий В. А.*, 1930.— Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных. Казань.
- Богородицкий В. А.*, 1934.— Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань.
- Богородицкий В. А.*, 1939.— Очерки по языковедению и русскому языку. М.
- Бондарко Л. В.*, 1960.— Мелодика неполных бесказуемых предложений в современном русском языке. «Уч. зап. ЛГУ», № 237.
- Бондарко Л. В.*, 1960.— О характере изменения формантного состава русских гласных под влиянием мягкости соседних согласных. «Уч. зап. ЛГУ», № 237.
- Боянус С. К.*, 1926.— Постановка английского произношения, вып. I, II. Л.
- Боянус С. К.*, 1932.— Постановка английского произношения. Английская фонетика для русских. Изд. 2. М.
- Бровченко Т. А.*, 1952.— Сравнительный анализ фонем украинского и английского языков. Автореф. канд. дисс., М.— Одесса.
- Бровченко Т. А.*, 1954.— Сравнительный анализ гласных украинского и английского языков. «Уч. зап. I МГПИИЯ», т. 8.
- Брызгунова Е. А.*, 1963.— Практическая фонетика и интонация русского языка. М.
- Бураев И. Д.*, 1960.— Звуковой состав бурятского языка. Улан-Удэ.
- Ваараск П. К.*, 1951.— Критический очерк учений о речевой интонации и интонационно-грамматическое членение речи в английском языке в сравнительном аспекте с эстонским языком. Автореф. канд. дисс. Л.
- Ваараск П. К.*, 1962.— Очерк развития теории фонем. Таллин.
- Ваараск П. К.*, 1964.— Тонические средства языка, I, II. «Труды Таллинского политехнического ин-та». Серия Б, № 10, 11 (ротационное издание).
- Вайткевичуте В. А.*, 1956.— Согласные литовского литературного языка. Автореф. канд. дисс. Л.
- Варшавский Л. А. и Глушкова О. Б.*, 1957.— Прибор для выделения звуков из слов и звукосочетаний. «Научно-технический сборник», вып. 3. Л.
- Варшавский Л. А. и Литвак И. М.*, 1955.— Исследование формантного состава и некоторых других физических характеристик звуков русской речи. «Проблемы физиологической акустики», т. III. Л.
- Васильев В. А.*, 1946.— Построение фонетико-орфоэпического вводного курса. «Уч. зап. Военного ин-та иностранных языков», т. II, вып. 3. М.
- Васильев В. А. и др.*, 1962.— Фонетика английского языка. М. (на англ. яз.).
- Вербицкая Л. А.*, 1964.— Акустическая характеристика эталонов русских гласных. «Вопросы радиоэлектроники», серия XI, вып. 4.
- Вербицкая Л. А.*, 1964.— Мелодика побудительных предложений в русском языке. «Уч. зап. ЛГУ», № 325.
- Вецовол М. П.*, 1954.— Сравнительный анализ систем гласных фонем латышского и английского языков. Автореф. канд. дисс. Рига.
- Виллер М. А.*, 1960.— Об интонации простого нераспространенного предложения в русском языке. «Уч. зап. ЛГУ», № 237.
- Виноградов В. В.*, 1950.— Понятие синтагмы в синтаксисе современного русского языка.— Сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М.
- Винокур Г.*, 1925.— Культура языка. М.

- Витомская В. П.*, 1948.— Основы английской фонетики. Изд. 2. М., изд. 1 — М., 1939.
- Всеволодский-Гернерос В.*, 1922.— Теория интонации. Пг.
- Галенович Ю. М.*, 1962.— Тон и интонация в современном китайском языке. «Народы Азии и Африки», № 1.
- Гальцев И. Н.*, 1962.— Введение в изучение китайского языка. М.
- Ганцкая Т. Б.*, 1953.— Интонационная организация повествовательной фразы во французском языке. «Труды Военного ин-та иностранных языков», 3—4. Вопросы интонации. М.
- Гаприндашвили Ш. Г., Гиунашвили Дж. Ш.*, 1964.— Фонетика персидского языка. Тбилиси.
- Гарнцева А. А.*, 1958.— К вопросу о функциях речевой интонации. «Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина», т. 80.
- Гвадеев А. Н.*, 1949.— О фонологических средствах русского языка. Сборник статей. М.— Л.
- Гвадеев А. Н.*, 1953.— О фонологии «смешанных» фонем. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. XII, вып. 1.
- Гвадеев А. Н.*, 1957.— Обладают ли позиции различительной функцией.— ВЯ, № 6.
- Гвадеев А. Н.*, 1958 — Вопросы фонетики. Что дают три типа транскрипции.— ВЯ, № 6.
- Гвадеев А. Н.*, 1960₁.— О звуковом составе морфем.— ВЯ, № 3.
- Гвадеев А. Н.*, 1960₂.— Практическое значение фонологии. «Филос. науки», № 2.
- Гликина Е. А.*, 1958.— Опыт экспериментального изучения элементов динамического ударения (на материале английского языка).— ВЯ, № 5.
- Гожин Г. М.*, 1963.— Спектральный и рентгенологический анализ непалатализованных и палатализованных согласных в связи с конечным «i» в молдавском языке. Автореф. канд. дисс. М.— Кишинев.
- Гордина М. В.*, 1959.— К вопросу о фонеме во вьетнамском языке (на основании экспериментального исследования гласных).— ВЯ, № 6.
- Гордина М. В. и Быстров И. С.*, 1961.— Признаки синтагматического членения и фразовая интонация во вьетнамском языке. «Уч. зап. ЛГУ», № 305.
- Горышник Л. А.*, 1947.— Вводный фонетический курс английского языка. М.
- Григорьев В. И.*, 1962.— Дифференциальные признаки русских гласных (у, ы, и).— ВЯ, № 1.
- Григорьев В. И.*, 1964.— Статистическое распознавание и дифференциальные признаки фонем.— ВЯ, № 3.
- Григорьева П. П.*, 1956.— Интонация сложноподчиненных предложений с придаточными определительными предложениями в современном английском языке. «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», т. 93.
- Грузов Л. П.*, 1957.— Гласные и согласные марийского языка (луговой диалект) в свете экспериментальных данных. Автореф. канд. дисс. Л.
- Грузов Л. П.*, 1960.— Современный марийский язык. Фонетика. Йошкар-Ола.
- Демурчибаев А. М.*, 1960.— Фонетика современного азербайджанского языка. Баку (на азерб. яз.)
- Деркач М. Ф.*, 1958.— Статистика временного распределения участков характерного звучания гласных русского языка. «Вопросы статистики речи (материалы совещания)». Л.
- Дикухина О. И.*, 1952.— Фонетика английского языка. М.
- Дикухина О. И.*, 1961.— Какой единицей является фонема? «Уч. зап. ЛГУ», № 283.
- Дикухина-Поддячая О. И.*, 1951.— Ритмико-синтаксическое членение речи в английском языке.— Сб. «Памяти Льва Владимировича Щербя». Л.
- Дмитриев Н. К.*, 1955₁.— Вторичные долготы в тюркских языках.— Сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. 1. Фонетика. М.
- Дмитриев Н. К.*, 1955₂.— Долгие гласные в туркменском языке.— Сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. 1. Фонетика. М.
- Долидзе Г. Г.*, 1959.— К вопросу об артикуляции абрултивов (смычногортанных) в грузинском языке. Экспериментальное исследование. «Труды кафедры общего языковедения Тбилисского ун-та», 3. Фонетический сборник 1. Тбилиси.
- Драгунов А. А.*, 1962.— Грамматическая система современного китайского разговорного языка. Л. (ротапринтное издание).
- Драгуновы А. А. и Г. П.*, 1937.— Дунаганский язык. «Записки Ин-та востоковедения АН СССР», т. VI. М.
- Дукельский П. П.*, 1958₁.— Гласные современного румынского литературного языка в качественном отношении. «Вестник ЛГУ», № 2.

- Дукельский Н. И.*, 1958₂.— Метод передачи звуков речи в фонетике.— ВЯ, № 1.
- Дукельский Н. И.*, 1958₃.— Синтез русской речи из отдельных звуков и ее фоноидальный состав. «Научно-технический сборник», вып. 6.
- Дукельский Н. И.*, 1962.— Принципы сегментации речевого потока. М.— Л.
- Евдошенко А. П.*, 1963.— К вопросу о применении стереометрической модели в области фонологии.— Сб. «Исследования по структурной типологии». М.
- Егоров Г. Г.*, 1964.— Интонация восклицательных предложений в современном английском языке. (Методическое пособие для студентов и преподавателей факультета иностранных языков). Ростов.
- Ефремова И. В.*, 1961.— Мелодика простого распространенного предложения в норвежском риксмале. «Уч. зап. ЛГУ», № 308.
- Жгенти И. Г.*, 1959.— Носовые гласные фонемы французского языка. «Труды кафедры общего языковедения Тбилисского ун-та», 3. Фонетический сборник 1.
- Жгенти С. М.*, 1947.— Грузинский вокализм. Экспериментальное исследование. «Сообщения АН Груз. ССР», т. VIII, № 4.
- Жгенти С. М.*, 1956.— Фонетика грузинского языка (на груз. языке). Тбилиси.
- Жгенти С. М.*, 1959.— Экспериментально-фонетическое изучение акцентуации грузинского языка. «Труды кафедры общего языковедения Тбилисского ун-та», 3. Фонетический сборник 1.
- Жгенти С. М.*, 1960₁.— Некоторые новшества в научно-исследовательской лаборатории экспериментальной фонетики Тбилисского государственного ун-та, т. 93.
- Жгенти С. М.*, 1960₂.— Сравнительная фонетика картвельских языков. 1. Проблема структуры слога. Тбилиси.
- Жгенти Сергей*, 1963.— Ритмико-мелодическая структура грузинского языка. Тбилиси.
- Жичкин Н. И.*, 1954.— Восприятие ударения в словах русского языка. «Изв. АПН РСФСР», вып. 54.
- Жичкин Н. И.*, 1958.— Механизмы речи. М.
- Завьялова В. И.*, 1954.— Фонетика гялянского и мазандеранского языков. Автореф. канд. дисс. Л.
- Завьялова В. И.*, 1961.— Синтагматическое членение предложения в персидском языке. «Уч. зап. ЛГУ», № 305.
- Задоевко Т. П.*, 1963.— Краткий очерк системы тонов современного китайского языка.— Сб. «Вопросы китайской филологии». М.
- Зарецкий А.*, 1948.— Фонема. «Уч. зап. Сталинабадского гос. пед. ин-та им. Т. Г. Шевченко», т. III.
- Зиндер Л. Р.*, 1948₁.— Вопросы фонетики. Л.
- Зиндер Л. Р.*, 1948₂.— Существуют ли звуки речи? «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. VII, вып. 4.
- Зиндер Л. Р.*, 1949.— Из записок по фонетике современного шведского языка. «Докл. и сообщ. филол. ин-та ЛГУ», вып. 1.
- Зиндер Л. Р.*, 1956.— Гласные корейского языка. «Советское востоковедение», № 3.
- Зиндер Л. Р.*, 1957₁.— [Рец.] Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка.— ВЯ, № 5.
- Зиндер Л. Р.*, 1957₂.— Об одном опыте содружества фонетиков с инженерами связи.— ВЯ, № 5.
- Зиндер Л. Р.*, 1960.— Общая фонетика. Л.
- Зиндер Л. Р.*, 1963.— Фонематическая сущность долгого палатализованного [š:] в русском языке. «Филол. науки», № 2.
- Зиндер Л. Р.*, 1964.— Влияние темпа речи на образование отдельных звуков. «Уч. зап. ЛГУ», № 325.
- Зиндер Л. Р., Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А.*, 1964.— Акустическая характеристика различия твердых и мягких согласных в русском языке. «Уч. зап. ЛГУ», № 325.
- Зиндер Л. Р. и Матусевич М. И.*, 1937.— Экспериментальное исследование фонем нивхского языка.— В кн.: Е. А. Крейнович. Фонетика нивхского (гиляцкого) языка. М.— Л.
- Зиндер Л. Р. и Матусевич М. И.*, 1953.— К истории учения о фонеме. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. XII, вып. 1.
- Златоустова Л. В.*, 1953.— Фонетическая природа русского словесного ударения (на основе экспериментальных данных). Автореф. канд. дисс. Л.
- Златоустова Л. В.*, 1954.— Длительность гласных и согласных звуков русского языка. «Уч. зап. Казанского гос. ун-та», т. 114, кн. 6.
- Златоустова Л. В.*, 1956.— Фонетическая природа русского словесного ударения. «Уч. зап. Казанского гос. ун-та» т. 116, кн. 11.
- Златоустова Л. В.*, 1962.— Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань.

- Иванов А. И. и Поливанов Е. Д.*, 1930.— Грамматика современного китайского языка. М. (Труды Ин-та востоковедения им. Нариманова).
- Иванов Вяч. Вс.*, 1961.— О приемлемости фонологических моделей. «Машинный перевод» (Труды Института ТМ и ВТ АН СССР, вып. 2). М.
- Иванов Вяч. Вс.*, 1962.— Теория фонологических различительных признаков. «Новое в лингвистике», вып. II. М.
- Идаятзаде Т. И.*, 1961.— Сопоставительное изучение согласных фонем английского и азербайджанского языков. «Уч. зап. Азербайджанского гос. ун-та им. С. М. Кирова». Серия обществ. наук, № 2.
- Идаятзаде Т. И.*, 1962.— Сопоставительное изучение согласных фонем азербайджанского и английского языков (на азербайджанском языке). «Уч. зап. Азербайджанского гос. ун-та им. С. М. Кирова». Серия обществ. наук, № 3.
- Исаев М. И.*, 1954.— О вокализме осетинского языка. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. III. М.
- Исаев М. И.*, 1959.— Очерк фонетики осетинского литературного языка. Орджоникидзе.
- Исенгельдина А. А.*, 1960.— Спектрально-рентгенологическое исследование сонорных согласных казахского и английского языков. Алма-Ата.
- Клалчев А. И.*, 1953.— Интонационное членение простого повествовательного предложения в современном английском языке. «Труды Военного ин-та иностранных языков», 3—4. Вопросы интонации. М.
- Каминская О. В.*, 1956.— Интонация сложносочиненных предложений с союзом *and* в современном английском языке в сопоставлении с интонацией аналогичных предложений в русском языке. Автореф. канд. дисс. М.
- Канышева Т. А.*, 1960.— Интонация сложноподчиненного предложения с придаточным причины в немецком языке. «Уч. зап. I МГПИИЯ», т. 20.
- Карачинская П. С.*, 1959.— Сопоставление позиций глухих и звонких согласных русского и польского языков. «Вісник Київського ун-ту», № 2.
- Карпов К. Б.*, 1953.— Интонация простого повествовательного предложения в немецком языке. «Труды Военного ин-та иностранных языков», 3—4. Вопросы интонации. М.
- Карпов Н. П.*, 1952.— Система фонем испанского языка. Автореф. канд. дисс. Л.
- Карпов Н. П.*, 1959.— Дифтонги в испанском языке. «Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена», т. 189, вып. 2.
- Карцевский С. И.*, 1928.— Повторительный курс русского языка. М.— Л.
- Каспранский Р. Р.*, 1963.— Спектральный анализ носовых согласных немецкого языка. Автореф. канд. дисс. М.
- Кацнельсон С. Д.*, 1958.— К фонологической интерпретации протоиндоевропейской звуковой системы.— ВЯ, № 3.
- Кибрик А. Е.*, 1962.— К вопросу о методе определения дифференциальных признаков при спектральном анализе.— ВЯ, № 5.
- Кирилловская Н.*, 1947.— Звуки французского языка. М.— Л.
- Киселева Э. П.*, 1963.— К вопросу о грамматической роли интонации (на материале английского сложноподчиненного предложения с придаточным времени). «Уч. зап. I МГПИИЯ», т. 28, ч. 2.
- Кожеевников В. А. и Шупляков В. С.*, 1962.— О приемах одновременной регистрации артикуляционных и акустических параметров речи. «Вопросы психологии», № 6.
- Кравченко М. Г.*, 1953.— Членение простого повествовательного предложения в современном немецком языке (экспериментально-фонетическое исследование). Автореф. канд. дисс. Л.
- Кравченко М. Г.*, 1960.— Соотношение длительности различных компонентов предложения и его роль в определении синтаксических и логических связей. «Уч. зап. ЛГУ», № 237.
- Кравченко М. Г. и Гордина М. В.*, 1951.— Новая методика обработки кинематографических кривых для составления графика движения основного тона гласного. «Вестник ЛГУ», № 8.
- Крейнович Е. А.*, 1934.— Нивхский (гиляцкий) язык.— Сб. «Языки и письменность народов Севера», ч. III. М.— Л.
- Крейнович Е. А.*, 1937.— Фонетика нивхского (гиляцкого) языка. С приложением статьи Л. Р. Зиндера и М. И. Матусевич «Экспериментальное исследование фонем нивхского языка». М.— Л.
- Кротевич Е. В.*, 1946.— К вопросу о синтагматическом членении речевого потока. «Наук. зап. Львівського держ. ун-ту», Серія філол., т. III, вып. 2.
- Кузнецов П. С.*, 1941.— К вопросу о фонематической системе современного фран-

- кузского языка. «Уч. зап. (МГПИ)», т. 5, вып. 1.
- Кузнецов П. С.*, 1948₁.— О фонологической системе сербо-хорватского языка. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. VII, вып. 2.
- Кузнецов П. С.*, 1948₂.— К вопросу о фонологии ударения. «Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ», вып. 6.
- Кузнецов П. С.*, 1958.— О дифференциальных признаках фонем.— ВЯ, № 1.
- Кузнецов П. С.*, 1959.— Об основных положениях фонологии.— ВЯ, № 2.
- Кузнецов П. С.*, 1961.— О качестве ударения как признаке отдельных слоговых фонем. «Сборник статей по языкознанию. Памяти М. В. Сергиевского». М.
- Кузнецова Г. М.*, 1960.— Мелодика простого повествовательного предложения в современном русском языке. «Уч. зап. ЛГУ», № 237.
- Кузьмин Ю. И.*, 1963.— Динамическая палатография. «Вопросы психологии», № 1.
- Кунаа А. Г.*, 1957.— Звуковая система современного тувинского языка. Кызыл.
- Курило О.*, 1930.— До понятия «фонема». «Збірник секції граматики української мови. Кн. 1. Науково-дислідний ін-т мовознавства ВУАН». Київ.
- Кязимов Ф.*, 1952₁.— Английские гласные в сравнении с азербайджанскими. «Иностранные языки в школе», № 1.
- Кязимов Фуад*, 1952₂.— Система гласных фонем азербайджанского языка. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. XI, вып. 4.
- Кязимов Фуад*, 1956.— Система согласных фонем современного азербайджанского литературного языка. «Уч. зап. Азербайджанского гос. пед. ин-та иностранных языков», вып. 1.
- Левитова Г. М.*, 1958.— Интонация риторического вопроса в современном английском языке. «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», т. 126, вып. 2.
- Лекомцева М. И.*, 1963.— Типология фонологических систем.— В сб. «Исследования по структурной типологии». М.
- Лийс Георг*, 1962.— Ударные монофтонги эстонского языка. Артикуляторно-акустическое исследование. Автореф. канд. дисс. Таллин.
- Линднер В. Б.*, 1951.— Практическая фонетика немецкого языка. М.
- Линдов В. И.*, 1960.— Динамический спектрограф для исследования речи. «Вопросы радиоэлектроники», серия XI, вып. 3.
- Ломтев Т. П.*, 1949.— Проблемы фонемы в свете нового учения о языке. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. VIII, вып. 4.
- Ломтев Т. П.*, 1962.— Относительно двухступенчатой теории фонем.— ВЯ, № 6.
- Лоя Я. В.*, 1929.— Против субъективного идеализма в языковедении.— Сб. «Языковедение и материализм». Л.
- Лукницкий И. А.*, 1957.— Предупреждение ошибок учащихся в английском произношении. Пособие для учителей. М.
- Лыткин В. И.*, 1946.— Фонема и научная транскрипция звуков. «Русский язык в школе», № 3—4.
- Лыткин В. И.*, 1953.— В какой языковой единице нуждается фонетика. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. XII, вып. 1.
- Любимова Н. А.*, 1964.— Мелодика обособленных предложений в русском языке. «Уч. зап. ЛГУ», № 325.
- Любопытнова В. С.*, 1953.— Интонация вопросительного предложения в немецком языке. «Труды Военного ин-та иностранных языков», 3—4. Вопросы интонации. М.
- Макаев Э. А. и Слюсарева Н. А.*, 1953.— [Отклики на статью С. К. Шаумяна «Проблемы фонемы»]. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. XII, вып. 4.
- Мартынов В. С.*, 1962.— Распределение высот основного тона мужских и женских голосов. «Вопросы радиоэлектроники», серия XI, вып. 2.
- Матусевич М. И.*, 1941.— Введение в общую фонетику. Л.
- Матусевич М. И.*, 1949.— Лаборатория экспериментальной фонетики им. акад. Л. В. Щербы. «Докл. и сообщ. филол. ин-та ЛГУ», вып. 1.
- Матусевич М. И.*, 1951.— Л. В. Щерба как фонетик.— Сб.: «Памяти академика Льва Владимировича Щербы». Л.
- Матусевич М. И.*, 1955.— Экспериментально-фонетические исследования согласных болгарского языка.— КСИС, вып. 15. М.
- Матусевич М. И., Любимова Н. А.*, 1963.— Альбом артикуляций звуков русского языка. М.
- Мельников Г. И.*, 1948.— Фонемы чукотского языка. «Язык и мышление», т. XI. М.— Л.
- Мельников Г. П.*, 1962₁.— Некоторые способы описания и анализа гармонии гласных в современных тюркских языках.— ВЯ, № 6.
- Мельников Г. П.*, 1962₂.— О некоторых типах разграничительных сигналов в языках тюркских и банту. «Народы Азии и Африки», № 5.

- Мигурич В. Н.*, 1959.— Вопрос о фонеме в связи с проблемой знаковости языка. «Изв. Крымского пед. ин-та им. М. В. Фрунзе», т. 33, вып. 1. Симферополь.
- Миловидова Р. В.*, 1960.— Интонация перечисления в немецком языке сравнительно с русским языком. «Уч. зап. I МГПИИЯ», т. 20.
- Мильк В. Ф.*, 1958.— Интонация присоединения в современном английском языке. «Уч. зап. ЛГУ», № 262.
- Мищенко Т. С.*, 1957.— Вопросы фонетики китайского языка и постановка произношения русских согласных у китайцев. «Наук. зап. Київського держ. ун-ту», т. XVI, вып. VII.
- Москалев А. А.*, 1961.— Тон и структура слога.— Сб. «Китай, Япония. История и филология». М.
- Михтарян Т. Т.*, 1959.— Фонетика вьетнамского языка. М.
- Мурашова Е. И.*, 1961.— Изучение немецкой фонетики. Пособие для учителей. М.
- Наделев В. М.*, 1960.— Проект фонетической транскрипции (УФТ). М.— Л. (ротапринтное издание).
- Никонова О. Н.*, 1938.— Основы немецкого произношения. М.
- Никонова О. Н.*, 1958.— Фонетика немецкого языка. Изд. 3. М.
- Новикова К. А.*, 1958.— Основные правила произношения и правописания эвенского языка. Л.
- Новикова К. А.*, 1960.— Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор, ч. 1. М.— Л.
- Норк О. А.*, 1945.— Построение вводного фонетического курса. «Уч. зап. Военного ин-та иностранных языков», т. 1, вып. 2. М.
- Норк О. А.*, 1946.— Вводный фонетический курс. Учебник немецкого языка. М.
- Норк О. А.*, 1953.— О фразовой интонации в немецком языке. «Труды Военного ин-та иностранных языков», 3—4. Вопросы интонации. М.
- Норк О. А.*, 1964.— Основные интонационные модели немецкого языка. «Иностранные языки в школе», № 3.
- Норк О. А., Мурыгина З. М., Блохина Л. П.*, 1962.— О дифференциальных признаках фонем.— ВЯ, № 1.
- Орлова В. Н.*, 1957.— Интонация причастных оборотов в английском языке. Автореф. канд. дисс. М.
- От редакции, 1953.— «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. XII, вып. 6.
- Павлов Д. А.*, 1963.— Состав и классификация фонем калмыцкого языка. Элиста.
- Панкрац Г. Я.*, 1959₁.— Интонация переспроса, уточняющего вопроса и вопроса-повтора в немецком языке (по материалам экспериментального исследования).— В кн.: А. П. Комаров, Г. Я. Панкрац, Р. М. Хаскина. Вопросы синтаксиса немецкого языка. Пособие для студентов-заочников. Алмата.
- Панкрац Г. Я.*, 1959₂.— Об интонации и ее основных компонентах. «Уч. зап. Алматинского гос. пед. ин-та иностранных языков», т. II, вып. 15.
- Панов М. В.*, 1961.— О разграничительных сигналах в языке.— ВЯ, № 1.
- Пешковский А. М.*, 1928.— Интонация и грамматика.— ИОРЯС, т. I, кн. 2.
- Пешковский А. М.*, 1959.— Избранные труды. М.
- Пилипенко О. Ф.*, 1963.— Интонация местоименного вопроса и связанного с ним ответа в английском языке. Автореф. канд. дисс. Киев.
- Пинаева В. М.*, 1960.— Интонация вопросительных предложений во французском языке. «Уч. зап. I МГПИИЯ», т. 18.
- Пинаева В. М.*, 1964.— Одночленные и двучленные вопросительные предложения во французском языке. «Уч. зап. Тульского гос. пед. ин-та. Филол. серия».
- Пиотровский Р. Г.*, 1960.— Еще раз о дифференциальных признаках фонем.— ВЯ, № 6.
- Пиотровский Р. Г.*, 1963.— Письмо в редакцию.— ВЯ, № 1.
- Покровский Н. В.*, 1962.— Расчет и измерение разборчивости речи. М.
- Поливанов Е. Д.*, 1923.— Лекции по введению в языковедение и общей фонетике. Берлин.
- Поливанов Е. Д.*, 1928.— Введение в языковедение для востоковедных вузов. Л.
- Поливанов Е.*, 1931.— За марксистское языковедение. М.
- Поцелуевский А.*, 1936.— Фонетика туркменского языка. Ашхабад.
- Проконова Л. И.*, 1958₁.— Приголосні фонемі сучасної української літературної мови. Експериментально-фонетичне дослідження. Київ.
- Проконова Л. И.*, 1958₂.— Сопоставительный анализ согласных фонем современных литературных немецкого и украинского языков. Автореф. канд. дисс. Киев.

- Прокопова Л. Г., 1959.— Асиміляційні явища в німецькому консонантизмі. «Вісник Київського держ. ун-ту», № 2. Серія філол. та журн., вып. 2.
- Прокопова Л. И., 1960.— Шумные смьч-ные немецкого языка *b, d, g, p, t, k*. «Наук. зап. Київського держ. ун-ту», т. 18, вып. 7.
- Прокопова Л. И., Родзевский А. П., Тоцька Н. И., 1964.— Применение рентгенокинематографии для изучения речевых артикуляций. «Журнал уха, горла, носа», № 3.
- Прокопова Л. Г., Скворцов В. О., Тоцька Н. Г., 1963.— Прямє палатографування українських голосних і приголосних. «Питання історії та культури слов'ян», ч. II. Київ.
- Прокопова Л. Г., Тоцька Н. Г., Скворцов В. О., 1962.— Прямє палатографування в експедиційній роботі. «IX-та республіканська діалектологічна нарада. Тези доповідей». Київ.
- Прокофьев Г. Н., 1937.— Ненецкий (юрако-самоедский) язык.— Сб. «Языки и письменность народов Севера», ч. 1. М.— Л.
- Расторгуева В. С., 1955.— Краткий очерк фонетики таджикского языка. (Учебное пособие для филологических факультетов таджикских вузов).
- Ревзин И. И., 1962.— Об одном подходе к моделям дистрибутивного фонологического анализа.— Сб.: «Проблемы структурной лингвистики». М.
- Ревзин И. И., 1962.— Модели языка. М.
- Ревзин И. И., 1964.— К логическому обоснованию теории фонологических признаков.— ВЯ, № 5.
- Ревтова Л. Д., 1963.— Интонация повествования в современном английском и русском языках. (Пособие для студентов и преподавателей факультетов иностранных языков). Чита.
- Реформатский А. А., 1941.— Проблема фонемы американской лингвистики. «Уч. зап. МГПИ», т. 5, вып. 1.
- Реформатский А. А., 1947.— Введение в языковедение. М.
- Реформатский А. А., 1952.— К проблеме фонемы и фонологии. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. XI, вып. 5.
- Реформатский А. А., 1955₁.— Введение в языковедение. Изд. 2. М. (изд. 3.— 1960).
- Реформатский А. А., 1955₂.— О соотношении фонетики и грамматики (морфологии).— В сб.: «Вопросы грамматического строя». М.
- Реформатский А. А., 1955₃.— Согласные, противопоставленные по способу и месту образования, их варьирование в современном русском литературном языке.— ДСИЯ, № 8.
- Реформатский А. А., 1957.— «Фонологические заметки».— ВЯ, № 2.
- Реформатский А. А., 1958.— О корреляции «твердых» и «мягких» согласных (в современном русском литературном языке). «Cercetări de lingvistică». Anul III, supliment.
- Реформатский А. А., 1959.— Обучение произношению и фонология. «Филол. науки», № 2.
- Реформатский А. А., 1961.— Дихотомическая классификация дифференциальных признаков и фонематическая модель языка.— Сб. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М.
- Романова Р. М., 1964.— Мелодика предложений с вводными словами автора при прямой речи. «Уч. зап. ЛГУ», № 325.
- Рот О. М., 1963.— Російські неологізми радянської епохи у німецькій мові і питання їх фонологічної адаптації. «Тези доповідей та повідомлення до XVII Наукової конференції Ужгородського університету».
- Румянцев М. К., 1963.— Тон и интонация в современном китайском языке.— Сб.: «Спорные вопросы грамматики китайского языка». М.
- Рыбалкина Н. П., 1960.— Интонация односоставных инфинитивных предложений немецкого языка. «Уч. зап. МГПИИЯ», т. 20.
- Садыхов С., 1961.— Согласные фонемы в потоке речи. «Труды Азербайджанского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», т. 19.
- Саломатина Л. К., 1960.— Сравнительный анализ ударных гласных испанского и русского языков. «Уч. зап. МГПИИЯ», т. 20.
- Свещевичус Б., 1960.— К вопросу о сравнении английских и литовских гласных (на литовском языке). «Уч. зап. Вильнюсского пед. ин-та», т. 9.
- Свещевичус Б. И., 1964.— Простые гласные (монофтонги) современного литовского литературного языка. Экспериментально-фонетическое исследование. Автореф. канд. дисс. Вильнюс.
- Скалозуб Л. Г., 1957.— Сопоставительное описание согласных современного корейского и русского языков. Итоги экспериментально-фонетического исследования и методика постановки русских согласных у корейцев. Киев.

- Скалозуб Л. Г.*, 1963.— Палатограммы и рентгенограммы согласных фонем русского литературного языка. Киев.
- Смирницкий А. И.*, 1948.— Фонетическая транскрипция и звуковые типы. «Вестник МГУ», № 7.
- Смолевский А. А.*, 1961.— К вопросу об интонационном выражении предиката во французском предложении. «Уч. зап. I МГПИИЯ», т. 26.
- Соколова В. С.*, 1948.— О вариантах фонемы. «Язык и мышление», т. XI. М.—Л.
- Соколова В. С.*, 1949.— Фонетика таджикского языка. М.—Л.
- Соколова В. С.*, 1953.— Очерки по фонетике иранских языков, I, II. М.—Л.
- Соколова В. С.*, 1960.— Спектральный анализ французских гласных фонем [i—e—ε—a—э—u] в различных фонетических позициях. «Уч. зап. I МГПИИЯ», т. 20.
- Соколова М. А.*, 1960.— Экспериментально-фонетическое исследование словесного ударения в английском языке. «Уч. зап. I МГПИИЯ», т. 20.
- Соколова В. С.*, 1962.— О некоторых сигналах границ слов в современном французском языке.— ВЯ, № 4.
- Соколова В. С.*, *Неменова Р. Л.*, *Богорад Ю. Н.*, *Лившиц В. А.*, *Фархадян А. Н.*, 1952.— Новые сведения по фонетике иранских языков. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. 1. М.
- Сохацкий В. М.*, 1964.— Экспериментальное исследование тонического ударения «акут» и «грав» в шведском языке. «Вопросы языка и литературы», вып. 4. М.
- Спешнев Н. А.*, 1958.— Акустическая природа словесного ударения в современном китайском языке. «Уч. зап. ЛГУ», № 236.
- Спиркин А. Г.*, 1952.— Проблема фонемы и ленинская теория отражения. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. XI, вып. 5.
- Стеблин-Каменский М. И.*, 1964.— О симметрии в фонологических решениях и их неединственности.— ВЯ, № 2.
- Степанова А. В.*, 1961.— Интонационное оформление обособленных второстепенных членов предложения. «Уч. зап. Горьковского гос. пед. ин-та иностранных языков», вып. 21.
- Стрелков П. Г.*, 1929.— К вопросу о фонеме. «Сборник об-ва исторических, философских и социальных наук при Пермском ун-те», вып. 3. Пермь.
- Сунник О. П.*, 1958. Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по наайскому языку. Л.
- Сунцова Г.*, 1934.— Фонема. «Мовознавство», № 2, Київ.
- Сунцова Г. П.*, 1946.— Элементы фонетики в початковому періоді викладання англійської, французької і німецької мові. «Наук. зап. Київського держ. ун-ту», т. 5, вып. 1.
- Сунцова И. П.*, 1951.— Вводный курс фонетики немецкого языка. Киев. Изд. 1 (изд. 2 — М., 1958); на укр. яз.: изд. 1—1952, изд. 2—1960.
- Сунцова И. П.*, 1960.— О произношении русских слов в современном немецком литературном языке. «Наук. зап. Київського держ. ун-ту», т. 18, вып. 8.
- Сунцова И. П.*, *Прокопова Л. И.*, *Скворцов В. А.*, 1955.— К вопросу о применении шлейфового осциллографа в экспериментально-фонетических исследованиях. «Тезисы докладов XII научной сессии Киевского государственного университета».
- Сыромятников Н. А.*, 1952.— Система фонем японского языка. «Уч. зап. ин-та востоковедения АН СССР», т. IV. М.
- Теплякова Н. А.*, 1960.— Краткий курс фонетики русского языка для китайцев. М.
- Тихонова И. С.*, 1963.— Вводные единицы в английской устной и письменной речи. «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», № 201.
- Торсуев Г. П.*, 1940.— Предварительное сообщение об экспериментальном сравнении английской и русской интонации. «Уч. зап. I МГПИИЯ», т. 1.
- Торсуев Г. П.*, 1950.— Фонетика английского языка. М.
- Торсуев Г. П.*, 1953.— Обучение английскому произношению. Пособие для преподавателей английского языка. М. Изд. 1 (изд. 2—1956).
- Торсуев Г. П.*, 1960.— Экспериментальные исследования английского словесного ударения. «Уч. зап. I МГПИИЯ», т. 18.
- Торсуев Г. П.*, 1962.— Вопросы фонетической структуры слова. На материале английского языка. М.—Л.
- Торсуева Е. И.*, 1960.— Интонация сложноподчиненного вопросительного предложения в современном английском языке. «Уч. зап. I МГПИИЯ», т. 18.
- Торсуева И. Г.*, 1964.— Экспрессивная функция интонации и порядка слов в системе второстепенных членов предложения (на сопоставительной основе французского, испанского и итальянского языков). «Уч. зап. I МГПИИЯ», т. 30.

- Тоцька Н. І., 1960.— Залежність тривалості голосних української мови від консонантного оточення. «Вісник Київського ун-ту», № 3.
- Тоцька Н. І., 1961.— Основні підсумки і завдання вивчення голосних фонем української літературної мови. «Мовознавство. Наукові записки», т. XVI. Київ.
- Трахтеров А. Л., 1947.— Введение в практический курс английского языка. Методическое руководство для преподавателей и студентов. М.
- Трахтеров А. Л., 1955.— Лекция по теоретическому курсу фонетики английского языка. М.
- Трахтеров А. Л., 1956.— Основные вопросы теории слова и его определение.— ВЯ, № 6.
- Трегубенков Г. Г., 1960.— Интонация сложноподчиненного предложения с придаточным дополнительным. «Уч. зап. І МГПИИЯ», т. 20.
- Трессак Е. И., 1964.— Интонация слов автора в английском языке в сравнении с русским языком. «Уч. зап. І МГПИИЯ», т. 30.
- Трофимова А. А., 1955.— Интонация повелительных предложений в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. М.
- Урова Р. М., 1954.— К вопросу о длительности гласных в немецком языке. «Уч. зап. І МГПИИЯ», т. 8.
- Успенский В. А., 1964.— Одна модель для понятия фонемы.— ВЯ, № 5.
- Федосеева В. С., 1953.— Интонация ответа в русском языке. «Труды Военного ин-та иностранных языков», 3—4. Вопросы интонации. М.
- Фонетический сборник 1. («Труды кафедры общего языковедения Тбилисского ун-та», 3). 1959.
- Хачатрян А. А., 1963.— Спектральный и рентгенологический анализ гласных армянского и английского языков. Автореф. канд. дисс.
- Цагер О. Х., 1961.— Основные отличия немецкого звукового состава от русского.— Сб. «Вопросы теории немецкого языка», т. 2. Иркутск.
- Цагер О. Х., 1962.— К учению о фонеме.
- Цибадзе Т. Г. 1959.— Спектральный анализ гласных фонем грузинского языка в звукосочетании «гласный + согласный». «Труды каф. общего языковедения Тбилисского гос. ун-та», т. 3. Фонетический сборник 1.
- «Уч. зап. Иркутского гос. пед. ин-та иностранных языков», вып. 6. Улан-Удэ.
- Чанков Д. И., 1957.— Согласные хакасского языка. Абакан.
- Черкасский М. А., 1957.— О фонологических отношениях в системе тюркских гласных. «Уч. зап. Алма-Атинского гос. пед. ин-та иностранных языков», т. 2, вып. 5.
- Черкасский М. А., 1962.— Об особенностях фонологического строения тюркского вокализма. «Народы Азии и Африки», № 5.
- Чистович Л. А., 1958.— Применение статистических методов определения фонетической принадлежности индивидуального гласного звука. «Вопросы статистики речи» (материалы совещания). Л.
- Чистович Л. А., Бондарко Л. В., 1963.— Об управлении артикуляционными органами в процессе речи. (Анализ нарушений речи при задержке обратного акустического сигнала).— Сб. «Исследования по структурной типологии». М.
- Чистович Л. А., Кожевников В. А. и др., 1965.— Речь, артикуляция и восприятие. М.— Л.
- Шараф Г., 1927.— Палатограммы звуков татарского языка сравнительно с русскими. «Вестник научн. об-ва татароведения», № 7. Казань.
- Шараф Г., 1928.— Сонорная длительность татарских гласных. «Вестник научн. об-ва татароведения», № 8. Казань.
- Шатух В. Г., 1963.— Порівняльний аналіз формантного складу українських та англійських голосних фонем.— Сб. «Питання експериментальної фонетики». Київ.
- Шаумян С. К., 1952₁.— Против агностицизма в фонологии. (Критика фонологической теории Ельмслева). «Уч. зап. МГУ», вып. 150.
- Шаумян С. К., 1952₂.— Проблемы фонемы. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. XI, вып. 4.
- Шаумян С. К., 1958.— История системы дифференциальных элементов в польском языке. М.
- Шаумян С. К., 1960.— Двухступенчатая теория фонемы и дифференциальных элементов.— ВЯ, № 5.
- Шаумян С. К., 1962₁.— Проблемы теоретической фонологии. М.
- Шаумян С. К., 1962₂.— Панхроническая система дифференциальных элементов и двухступенчатая теория фонологии.— Сб. «Проблемы структурной лингвистики». М.

- Шварцман В. М.*, 1955.— Экспериментально-фонетическое исследование гласных французского языка сравнительно с гласными казахского языка. Автореф. канд. дисс. М.
- Шварцман В. М.*, 1957.— Система гласных французского языка в свете современных экспериментально-фонетических данных. «Уч. зап. Алма-Атинского гос. пед. ин-та иностранных языков», т. 2, вып. II.
- Широков О. С.*, 1964.— О соотношении фонологической системы и частотности фонем.— ВЯ, № 1.
- Шишкова Л. В., Детинина А. В.*, 1964.— Вводный фонетический курс немецкого языка. М.— Л.
- Шор Р.*, 1926.— Язык и общество. М.
- Шор Р. О.*, 1930.— К вопросу о консонантизме яфетических языков Ю. Кавказа. «Уч. зап. Ин-та этнических и национальных культур Востока РАНИОН», т. 1. М.
- Шор Р. О.*, 1935.— К вопросу о так называемых «геминатах» (усиленных смычных) в яфетических языках Дагестана.— Сб. «Языки Северного Кавказа и Дагестана». М.— Л.
- Шерба Л. В.*, 1936₁.— О взаимоотношении дисциплин, изучающих звуки речи.— Сб. «Методы исследования и воспитания слуха и ритма у глухонемых и тугоухих детей». М.
- Шерба Л. В.*, 1936₂.— Фонетика.— БСЭ, т. 58.
- Шерба Л. В.*, 1937.— Фонетика французского языка. М.— Л. (изд. 2—1939).
- Шерба Л. В.*, 1945.— Очередные проблемы языковедения. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. IV, вып. 5.
- Эндюковский А. Г.*, 1937.— Саамский (лопарский) язык.— В сб.: «Языки и письменность народов Севера», ч. 1. М.— Л.
- Юшманов Н. В.*, 1937.— Фонетические параллели африканских и яфетических языков. «Afgisana», I. М.— Л.
- Языки и письменность народов Севера, 1937.— М.— Л. Ч. I.
- Яковлев Н.*, 1923.— Таблицы фонетики кабардинского языка. М.
- Яковлев Н. Ф.*, 1928.— Математическая формула построения алфавита. «Культура и письменность Востока», кн. 1. М.
- Яковлев Н., Аишмаф Д.*, 1941.— Грамматика адыгейского литературного языка. М.— Л.
- Яншансин Ю.*, 1940.— Тоны и ударения в дунганском языке. (На дунганском языке). Фрунзе.
- Ятлова А. В.*, 1960.— Некоторые явления в области фонетической ассимиляции заимствованных слов в современном французском языке. «Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков», вып. III. М., 1960.
- Ariste P.*, 1953.— Eesti keele fonetika. Tallinn.
- Ejremova I. B., Fintoft K. and Ormes-tad H.*, 1963.— Intelligibility of tonic accent. «Phonetica», v. X.
- Kanyschewa T.*, 1957—1958.— Die Intonation des Satzgefüges mit dem Kausalnebensatz im Deutschen. «Wiissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe», Jg. 7, № 2.
- Trakhterov A.*, 1934.— An Introduction to English Phonetics. M.
- Zacher O.*, 1960.— Deutsche Phonetik. L.